

Алёна Волгина

Убийца – садовник?

Алена Волгина

Убийца – садовник?

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45160680

Аннотация

Излюбленный жанр Алёны Волгиной – романтическое и героическое фэнтези. Представляем в аудиоформате сборник её повестей в антураже магического детектива.

Перед нами мир, схожий с викторианской Англией, но в нём присутствуют магия и необычные расы вроде альвов. Главную героиню Элизабет Гордон её тётя Роуз очень старательно пытается выдать замуж, но племянница не желает связывать себя брачными узами, а хочет учиться, работать и оставаться независимой. Между тем судьба постоянно подбрасывает Элизабет и её коту ситуации, в которых им приходится участвовать в расследовании различных преступлений. А результат сыска далеко не всегда предсказуем. Как знать, может, и замуж выйдешь, сама того не желая?.. Слушайте подробности увлекательных историй!

Сборник составили три повести: «Убийца – садовник?», «Призрак Лорда Вилмора» и «Тайна Блэкторн-холла».

Содержание

Убийца садовник?	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	45
Глава 6	59
Глава 7	74
Глава 8	87
Глава 9	101
Глава 10	110
Глава 11	117
Глава 12	126
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Алена Волгина

Убийца садовник?

(Три повести)

Убийца садовник?

Глава 1

Все началось с того происшествия на дороге. Нет, не так. Все началось с бескомпромиссного желания тети Роуз выдать меня замуж и моих робких попыток отстоять свою независимость.

Полагаю, в жизни каждой девушки рано или поздно наступает момент, когда старшие родственницы вдруг принимают хлопотать о том, чтобы устроить ее личную жизнь. Мнение самой девушки при этом никого не волнует. Хочешь ты или не хочешь, а колесо уже закрутилось: перетряхивается твой немудреный гардероб, шьется новое платье, добываются приглашения на приемы – один скучнее другого. И все разговоры за чаем теперь ведутся о новоприбывшем мистере Таком-то, о сыновьях какой-нибудь миссис Зануды и о нахальстве некоей мисс Бесцеремонность, на последнем прие-

ме свистнувшей кавалера у тебя из-под носа.

Обычно эта скорбная перемена в жизни случается, когда твоя ближайшая родственница или подруга вдруг выходит замуж. Со мной получилось так же. Моя кузина Эмили, подружка с раннего детства, в прошлом году выпорхнула в свет, а через полгода уже клялась в верности своему новоприобретенному супругу – капитану Хейворду. Я желала им всяческого счастья, но, честное слово, ради меня могли бы затянуть помолвку подольше! Ибо тетя Роуз, устроив будущее любимой дочери, тут же принялась за меня. До этого времени мы десять лет жили с ней душа в душу, с тех пор как умерли мои родители, и тетя взяла меня к себе. Однако с начала нынешнего сезона между нами шла мягкая, незаметная чужому глазу война.

– Не планируй ничего на завтра, Элизабет, – произнесла тетя за вечерним чаем. – Я получила сегодня письмо от миссис Колтон, мы приглашены на обед в Уайтхед.

Уайтхед – это небольшое поместье недалеко от нашего городка, но по тетиным интонациям можно было предположить, что нас ожидает прием у Его величества.

– Давно ли вы знакомы с миссис Колтон, тетя? – подозрительно осведомилась я.

Солнце, проникавшее в комнату сквозь легкие занавески, играло с чайными приборами, бросая на скатерть радужные брызги. Чай был свежим и крепким. Мэри, наша горничная, внесла в столовую блюдо с рассыпчатым печеньем, распро-

странившее по комнате нежный аромат. Было так уютно, что ссориться не хотелось.

– Иногда достаточно одной беседы, чтобы почувствовать родственную душу, – ответила тетя, поджав губы. – Между прочим, ее сын, Ричард Колтон, очень тепло о тебе отзывался. Он был представлен нам на приеме у Конноров, помнишь?

Все ясно. Видимо, на фоне мнимого «интереса» упомянутого господина и обнаружилась родственность душ этих кумушек. Вот кстати, отчего у пожилых леди возникает заблуждение, что всякий джентльмен по достижении определенного возраста сразу начинает мечтать о жене? Непонятно.

Огромный рыжий кот, наш домашний любимец, в этот момент решил напомнить о себе, попытавшись запрыгнуть мне на колени. Я мягко отодвинула его ногой. Кот недовольно повел ушами и мстительно обшерстил хвостом мою юбку.

Глядя на это чудо, величиной с хорошего бульдога, трудно было поверить, что когда-то я принесла его с улицы на ладони. Попав в дом, кошка быстро округлилась благодаря щедрости нашей кухарки и своему таланту красиво упасть в голодный обморок поближе к кухне. Вот уже пять лет он радовал нас своим цветущим видом. Мяукать он с рождения не умел или на улице отучился, за что и получил от меня кличку Демьюр. Домашним случалось использовать в зависимости от обстоятельств запасные прозвища: Паразит, Обжора и Где-Эта-Сволочь? В общем, кот был богат именами, как астиль-

ский аристократ. Кстати, несмотря на немоту, бурчальник у кота работал исправно, по вечерам заглушая даже храп тети Роуз. Ой, забудьте, что я об этом проговорилась.

– Как насчет танцев у миссис Лейн в субботу вместо завтрашнего обеда? – попыталась я поторговаться. – Там хотя бы скучать не придется.

Не то чтобы я была принципиальной противницей брака, вовсе нет. Просто в моем случае считаю нерациональным тратить столько времени и сил на заведомо безнадежную затею. Я небогата: денег, оставшихся мне от отца, не хватит даже на очень скромную жизнь. Неземной красотой тоже не блещу. Рядом с кухней Эмили я всегда казалась себе нескладной и скучной. Эмили каждый день ходила с аккуратными локонами – моя рыжая грива с трудом поддавалась расческе; Эмили очаровывала всех своими голубыми глазами – мой пристальный темный взгляд пугал до дрожи теткинских подруг. В детстве меня дразнили из-за веснушек, потом, с возрастом, они исчезли, но красоты мне это не добавило. Душой компании я тоже никогда не была. Мне больше нравилось придумывать всякие истории, предоставляя Эмили играть в них главную роль. Пока кухня, вся в кружевах и кудряшках, изображала фею цветов, я обычно сидела где-нибудь с книжкой и фантазировала. Благо от папы мне достался целый шкаф этих книг. Папина коллекция знаний была несколько бессистемной: авантюрные романы чередовались с научными трудами по медицине, географии и математике.

Я читала все подряд. Когда я добралась до книг по химии, тетя Роуз отдала в перетяжку испорченный диван, заперла книжный шкаф на ключ и отвела меня за ручку в пансион, где пришлось проскучать целых четыре года. И надо же, стоило только вырваться оттуда, как меня впрягли в этот утомительный матримониальный марафон! Между прочим, у меня имелись свои, вполне определенные планы на будущее. Но тетке я о них даже не заикалась, боясь вторично осиротеть.

– Хорошо, тетя, – сдалась я в конце концов. Разве можно отказать, глядя на это сердито-обиженное лицо? – Если тебе хочется съездить в гости, пусть будет по-твоему.

Поцеловав тетушку на прощанье, я ушла к себе и взяла с полки любимую книгу. Хотелось заранее вознаградить себя за завтрашнюю скуку. А может, мне еще повезет и завтра пойдет дождь.

* * *

Новый день осчастливил нас чудесной солнечной погодой. Выглянув в окно после завтрака, я сразу поняла, что поездки в Уайтхед избежать не удастся. На самом деле, наш визит даже неприлично затянулся, так как у тетушки и миссис Колтон обнаружился еще один общий интерес – садоводство. Под руководством хозяйки мы подробно осмотрели сад с аккуратными лужайками, огороженные грядки и оранжерею, которую миссис Колтон забавно называла «ананас-

ницей». В пылу взаимных симпатий дамы зашли так далеко, что миссис Колтон презентовала тетушке семена лучших левкоев, а тетя Роуз в ответ пообещала прислать саженцы своих знаменитых махровых роз. Я мысленно порадовалась за тетю, что хотя бы в этом смысле наш визит был не совсем бесполезен. Впрочем, это я так, бурчу по привычке. Сад в Уайтхеде действительно был хорош и заслуживал внимания, а молодой Ричард Колтон, на которого тетка возлагала тайные надежды, оказался неплохим экскурсоводом. По этой причине возвращались мы довольно поздно. Солнце уже зацепилось краешком за холмы, бросая на дорогу длинные густые тени. Безмятежную тишину июльского вечера нарушало только бречание упряжи и – иногда – бормотание старика Питера, что-то выговаривающего лошадям. Питер был несколько чудаковат, но мы к нему давно привыкли и не обращали внимания на его причуды. Он служил у тетки, когда меня еще на свете не было. К чужим людям относился с неприязнью, зато лошадей любил и берег, как родных.

Далеко впереди показались серые и красные крыши Илсбери.

– Вы не устали, мисс Элизабет? – вежливо поинтересовался Колтон. Несмотря на короткий путь и отсутствие любой воображаемой опасности, он вызвался проводить нас до дома (тетя Роуз при этом многозначительно пошевелила бровями). Лошадь мистера Колтона то опережала коляску, то отставала. Иногда мы могли переброситься парой ничего не

значащих фраз. Тетушка не принимала в разговоре никакого участия, она сидела с мечтательным видом, облокотясь на подушки, и я могла бы поклясться, что все ее мысли заняты флердоранжем и свадебным завтраком. Вообще-то я ничего не имела против мистера Колтона. У него приятная внешность, хотя растрепанные волосы придавали ему несколько простоватый вид. Он был вежлив, добросердечен, немного застенчив. За обедом он явно не знал, чем меня развлечь, и постоянно подкладывал мне разные угощения. В результате я оказалась в неловком положении: с одной стороны на меня косилась тетя Роуз, пытаясь беззвучно напомнить, что настоящая леди ест не больше птички, а с другой стороны радушно улыбалась миссис Колтон, которой хотелось, чтобы мы в должной мере оценили ее кулинарные хлопоты. Я была рада, когда обед наконец-то закончился!

Вдруг коляска резко остановилась, отвлекая меня от мыслей. Я выглянула наружу. На обочине, слегка покосившись, стоял экипаж. Лошадей поблизости не было.

– Неужели ограбление? – проворчал Питер.

Мужчины подошли ближе, чтобы оценить ситуацию. Мистер Колтон крикнул нам с тетей, чтобы мы оставались в коляске. Разумеется, я не прислушалась к его совету.

Чужой экипаж был самым обычным – простая почтовая карета, обитая темной кожей. Из приоткрытой дверцы внизу виднелась чья-то рука, и сразу было件нятно, что живой человек лежать так не может. Я сглотнула. В жизни не видела

более жуткого зрелища. Питер с Колтоном осторожно прикрыли дверцу, возбужденно переговариваясь. В их диалоге промелькнуло слово «убийство». Я так и стояла столбом, пока мистер Колтон не развернул меня за плечи.

– Прощу вас, мисс Элизабет, вернитесь в карету, – сказал он с неожиданной твердостью.

Вдруг из кустов боярышника, густо растущих на обочине, послышался стон. Мы все бросились туда. В кустах навзничь лежал человек в простой грубой куртке. Когда Колтон осторожно перевернул его, Питер вполголоса выругался, а подошедшая сзади тетя Роуз с тихим возгласом осела на землю. У человека, который, похоже, был кучером той злосчастной кареты, на голове зияла большая рана. Половина лица была залита кровью.

Выйдя из пансиона, я тайно мечтала о самостоятельной жизни и карьере медсестры, но никак не ожидала, что своего первого пациента получу вот так, на дороге, возвращаясь со светского визита. Вдвоем с Колтоном мы кое-как сумели обмыть человеку лицо. Питер тем временем успокаивал тетю. Чтобы наложить повязку, пришлось пожертвовать куском моей муслиновой шали. Руки у меня слегка тряслись. Все-таки это был первый раз, когда я делала перевязку живому человеку, а не горшку, утащенному с кухни! Хорошо, что пострадавший был без сознания, так что мои неумелые манипуляции вряд ли могли причинить ему еще больше страданий.

– Помогите мне, – сказала я Колтону, который показал себя вполне приличным медбратом, – надо уложить его на бок. И хорошо бы найти что-нибудь холодное, приложить ему к голове.

– Отрадно видеть, что некоторым леди не чужд здравый смысл и практичное образование, – послышалось вдруг сзади. Я даже подскочила.

Непонятно, как он мог подъехать так тихо. Мы были всецело поглощены заботой о раненом и не заметили, когда рядом с нами вдруг появился всадник на крупном вороном коне, весь закутанный в темный плащ. За его спиной маячили двое верховых в форме королевской гвардии. По солидному эскорту, а также по его манере держаться, легко было догадаться, что это не простой путешественник.

Несмотря на зрелый возраст, он легко спешился. При этом его плащ распахнулся, и я заметила, что фигура у всадника была юношески стройной. Он был выше и шире в плечах, чем мистер Колтон.

– Лорд Рэндон, – представился неожиданный путник, внимательно оглядев нашу испуганную группу и стоявший в отдалении жуткий экипаж с... телом. Голос у него был глубокий и сильный, впору полками командовать. Мы трое почтительно поклонились. Пока Колтон представлял нас с тётёй, я пыталась собраться с мыслями.

Один из верховных лордов – здесь, в нашей глуши? Очень интересно. Один из ближайших советников короля... Люди,

подобные ему, обычно обретаются в столице, где занимаются высокой политикой. Мелкие кражи и дорожный грабёж – не в их компетенции. Тогда что он здесь делает?

Лорд Рэндон, однако, не терял времени даром:

– Значит, вы подъехали позже и ничего не видели, – подытожил он. – Единственный свидетель преступления – этот несчастный. Он ещё жив?

– Пока да, – ответила я с неприязнью. – Однако если не хотите лишиться единственного свидетеля, советую поскорее доставить его в госпиталь!

Мне казалось, что важнее позаботиться о раненом, чем так рьяно браться за расследование. Мертвецу в карете уже некуда спешить...

В ответ на моё замечание лорд бросил на меня острый взгляд, а тётя сзади дёрнула меня за юбку, напоминая о манерах. Я поспешно опустила глаза. Молодой девушке неприлично заговаривать с незнакомым джентльменом, а от верховных лордов и вовсе следует держаться подальше! Говорят, они владеют особой магией: если пристально посмотреть лорду в глаза, он заморозит тебя и превратит в своего послушного слугу. Мне вовсе не хотелось проверить истинность этого утверждения на собственной шкуре. Да и суровая физиономия сиятельного господина, мягко говоря, не располагала к душевной беседе. Рэндон тем временем вполголоса отдал указания своим людям, затем посоветовал мистеру Колтону «поскорее увезти отсюда обеих леди», и,

наконец, испарился в сгустившихся сумерках. Было слышно, как тётя Роуз вздохнула с облегчением.

Усаживаясь в экипаж, я наблюдала, как помощники лорда грузят раненого в карету. Надеюсь, они его не угробят, пока довезут до города! Не похоже, чтобы эти ребята что-то смыслили в медицине.

Дома меня, разумеется, ждала выволочка от тёти Роуз за поведение, недостойное леди. Я-то думала, что потрясение от столь жестокого зрелища, которому мы стали невольными свидетелями, уложит её в постель, но нет. Беспокойство о моём будущем оказалось важнее тётиных слабых нервов. «Ни один джентльмен, – заявила она, – ни за что не женится на девушке, которая настолько груба, что вмешивается в мужской разговор, и настолько бесчувственна, что хладнокровно возится с раненым!» Я ответила, что помимо замужества, у меня есть другой вариант: миссис Холланд, директорша нашей местной школы для девочек, в любой момент готова была принять меня на должность учительницы. Тётка разохалась, что не позволит мне угробить свою молодость на «этих вертихвосток». Воспользовавшись случаем, я ловко перевела тему на тётины школьные воспоминания, и разговор потёк как по маслу. Мы разошлись по спальням уже за полночь, вполне довольные друг другом.

Глава 2

Утром, когда я спустилась к завтраку, рядом с моей любимой веджвудской чашкой обнаружился листок с фамилиями. Как пояснила сияющая тётя Роуз, это был перечень приглашенных на мою свадьбу, и она жаждала немедленно его обсудить. Чтобы избежать дальнейших поползновений, я сбегала в сад с этюдником, притворившись, что меня осенило вдохновение. Но и там меня отыскала Мэри, передав, что тётя просила меня одеться наряднее. Их обеих переполняла уверенность, что мистер Колтон сегодня же нанесет нам визит.

Колтон, однако, так и не появился, а жаль: я надеялась узнать от него новости касательно вчерашнего происшествия. Кем был тот убитый в карете? Очнулся ли кучер? Зачем в Илсбери объявился верховный лорд? В поисках информации я хотела было наведаться в лавку миссис Томсон, которая знала всю подноготную о соседях и всегда была готова щедро делиться сведениями. При определённом умении даже из мутного потока сплетен можно выудить полезные факты. Однако тётушка упёрлась и не захотела меня отпустить, чтобы не пропустить появления мистера Колтона. Пришлось смириться.

Весь день тётя Роуз бросалась к окну при малейшем шуме, а на следующий день пришло письмо. Мистер Колтон со-

общал, что, к его величайшему сожалению, неотложные дела вынуждают его покинуть Илсбери, но он надеется когда-нибудь в будущем возобновить наше приятное знакомство, и так далее, и тому подобное. В общем, всё было ясно. Мой предполагаемый жених растворился в туманной дали. От такого горького разочарования тётушка слегла в постель, и мне пришлось принести ей поднос с ромашковым чаем, а затем молча вытерпеть поток причитаний о моей загубленной женской доле. Чтобы её утешить, я немного почитала тёте из её любимой книги и, когда старая дама заснула, на цыпочках ушла к себе.

Только здесь, в безопасном уединении своей комнаты, можно было наконец-то расслабиться! Я со вздохом упала в старое уютное кресло, стоящее у стола, и опустила голову на руки. Демьюр, видимо, решил, что я тоже нуждаюсь в утешении. Он запрыгнул ко мне на колени и принялся тереться пушистой башкой о мои ладони, нежно урча.

– Да всё в порядке, – вздохнула я, потрепав его по загривку.

Мне не очень-то хотелось замуж, но глубоко в душе саднило, что я опять оказалась недостаточно хороша. Хотя... о чём тут жалеть? Мистер Колтон не пробудил во мне никаких романтических чувств, а проживание в одном доме с его строгой мамашей привлекало не больше, чем жизнь в серпентарии. Однако, был момент, когда мне действительно показалось, что Колтон внимателен ко мне чуть более, чем его

обязывала вежливость... Не иначе, это я от тётки заразилась. Хватит, пора кончать с этой свадебной лихорадкой! Я пере-ложила кота на ближайший пуфик, достала письменный прибор и принялась сочинять письмо к миссис Холланд, директорсе женской школы в Илсбери.

Я уже заканчивала письмо, когда в дверь робко стукнули, и в проеме показалась взволнованная мордашка Мэри:

– Мисс, там пришли, какой-то важный господин, и спрашивают вас! – выпалила она возбужденно.

Визитёров у нас всегда принимала тетушка, так было заведено. Но сейчас старая леди была явно не в состоянии выполнять светские обязанности. Кроме того, я подумала, что, вероятно, мистер Колтон решил проявить избыточную вежливость, и помимо письма, объяснить лично. Так что я спустилась вниз, прихватив широкую вазу с нелюбимыми лилиями. Мэри вечно притаскивала их в мою комнату, чтобы придать обстановке больше изящества. Если наш чересчур учтивый джентльмен начнет досаждать мне оправданиями – с удовольствием надену этот цветочный горшок ему на уши.

Когда я появилась на пороге гостиной, высокий мужчина, стоявший у окна, резко обернулся, и я чуть не выпустила вазу из рук. Лорд Рэндон! К счастью, реакция у столичного лорда была лучше моей: пока я стояла столбом, он успел перехватить злополучную вазу и пристроить её на цветочную полку. Затем он подал мне руку и проводил к креслу.

– Мисс Гордон, – вежливо поклонился гость, – надеюсь,

позавчерашнее происшествие не слишком сказалось на вашем самочувствии.

– Нисколько, уверяю вас. А что с тем несчастным, он жив? Он что-нибудь сказал?

– К сожалению, он скончался в госпитале. Однако, благодаря вашей помощи, он успел повидаться со священником и очиститься от грехов.

«Лучше бы инспектора позвали, – подумала я с досадой. – Для дела пользы было бы больше». Разумеется, я не стала говорить этого вслух.

– Забудьте об этом происшествии, мы сами разберёмся. Вообще-то я хотел поговорить о вас.

Я насторожилась. Не к добру мы позавчера наткнулись на ту злосчастную карету! Во что мы впутались с тётёй Роуз? Не хотелось бы оказаться объектом внимания королевской тайной канцелярии. Я постаралась придать своему лицу выражение безмятежной наивности. Ну какой с меня спрос?

– Я узнал, что вы сирота, и вас здесь ничто не удерживает...

«Точно, влипли. Уже и справки обо мне навели. Представляю, как увлеченно все кумушки Илсбери будут перемывать мне кости! Я щедро наделила их пищей для сплетен на пару недель вперед».

– ...Так что я возвращаюсь завтра в Спленфилд и предлагаю вам поехать со мной.

От изумления наивное выражение застыло у меня на ли-

це. «В каком качестве, сэр?» – хотела я спросить, но слова не шли с языка. Забыв о правилах приличия, я уставилась на своего собеседника. Машинально отметила, что он гораздо моложе, чем показалось вчера. Наверное, около тридцати, хотя кто их знает, этих верховных лордов с их загадочным волшебством! Чёткое, резко очерченное лицо, густая грива тёмных волос, слегка нахмуренные брови... Мистер Колтон рядом с этим мужчиной выглядел бы как птенец рядом с матёрым стервятником. Серые внимательные глаза выжидающе смотрели на меня. Такая, знаете ли, самоуверенность и властность в каждой черте. В общем, Рэндон принадлежал к тому типу людей, от которых я всегда старалась держаться подальше. Они меня подавляли даже без всякой магии.

Не дождавшись ответа, он небрежно придвинул ещё одно кресло и уселся рядом со мной:

– Подумайте сами, что вам здесь делать? Зевать на чаепитиях и вытирать носы чужим детишкам? Скука! Вы молоды, умны, энергичны. В столице для девушки вроде вас откроется масса возможностей! Вы могли бы учиться...

Во мне внезапно проснулась подозрительность: «Да-да, для одинокой девушки в чужом городе откроются богатые перспективы, и я даже догадываюсь, какого рода!»

– А в свободное от учёбы время я, вероятно, должна буду развлекать вас? – сухо спросила я, еле сдерживая гнев.

– Смею надеяться, что моё общество не успеет вам наскучить, – ответил этот самовлюбленный тип. Возмущение уже

бурлило во мне всюду.

– Эх, и вазы под рукой нет, – пробормотала я.

– Что, простите?

Всё, с меня хватит. Я поднялась с места:

– Прошу извинить, но у меня дела. Мэри вас проводит.

Возможно, где-нибудь в другом доме вы найдёте достаточно наивную девушку, которую заинтересует покровительство такого бесспорно надёжного и обаятельного человека, как вы. Хотя я сомневаюсь. Всего хорошего.

Выпалив это, я быстро направилась обратно к лестнице, злясь на себя за пылающие щёки. Что я наговорила! А вдруг этот холёный аристократ обидится и нажалуется тётке? Моё позавчерашнее «нескромное поведение» по сравнению с сегодняшним покажется им сущей ерундой! Интересно, что по закону полагается за оскорбление одного из верховных лордов?

Уже на пороге комнаты я вдруг услышала за спиной смех. Негодяй стоял с перчатками в руках и... смеялся! Увидев, что я обернулась, он издевательски низко поклонился и вышел. Когда он спускался с крыльца, я всё ещё слышала его смех.

* * *

Женская школа в Илсбери представляла собой несколько кирпичных разномастных строений, окруженных внуши-

тельным забором. Предполагалось, что этот забор должен был удерживать школьниц в пределах отведённой им территории. Возможно, у ценителя архитектуры наш аляповатый школьный комплекс вызвал бы ужас и головную боль, но мне он ужасно нравился. Я полюбила светлые классы с длинными рядами парт и грифельными досками, посыпанные гравием извилистые дорожки и учительский корпус, в котором мне отвели целую отдельную комнату. Впервые в жизни у меня была своя комната, которой я могла распоряжаться, как захочу! В первый же вечер я развесила по стенам свои самые удачные рисунки, а Демьюр облюбовал мягкое кресло в углу и больше никого туда не пускал.

Я научилась укладывать кудри в строгую причёску и заказала у портнихи мисс Вайль тёмно-синее платье с глубокими карманами, такого же фасона, как у директрисы. Я провела у девочек несколько занятий по рисунку и уже чувствовала себя опытной классной дамой. Миссис Холланд, невысокая энергичная леди в больших очках, делавших её похожей на стрекозу, была со мной очень приветлива. Миссис Клапп, учившая девочек домоводству, всегда норовила угостить меня чем-нибудь вкусеньким. Некоторые школьные дамы, опасаясь за свои фигуры, старались пореже попадаться ей на глаза. Все преподавательницы в школе были старше меня, относились ко мне немного покровительственно и охотно готовы были делиться опытом. Только одна из них держалась прохладно и отстранённо – мисс Сноу, наша учи-

тельница музыки. Поначалу я размечталась было о приятном совместном пении по вечерам, но эта леди явно была из тех, кто предпочитает выступать соло.

В тёплый августовский вечер я сидела за новеньким письменным столом и составляла конспекты занятий. С начала осени к моим урокам добавятся математика и география в среднем звене, а у старших барышень я буду вести ещё рисование. Мне дали понять, что всё это следует преподавать в самом лёгком изложении. К чему скромным девицам знать о других странах, если за всю жизнь им вряд ли придётся отъехать дальше, чем за двадцать миль от Илсбери? Зачем им уравнения и функции, если их самой сложной математической задачей будет свести семейный бюджет за месяц? Я прикидывала, как лучше раскидать темы по семестру, когда за окном вдруг послышался шорох, и на мой ковёр приземлился спутанный клубок из юбок и белокурых локонов. Вздрогнув, я оглянулась.

– Кэти! – Так и знала, что это она. Кто ещё может предпочесть окно нормальной двери? – Инфаркт из-за тебя схвачу!

– Привет, – светло улыбнулась девочка.

Кэтрин Бейль в свои тринадцать лет обладала внешностью ангела и характером проказливого бесёнка. Она была сиротой, как и многие другие воспитанницы в нашей школе, но, видимо, никакие невзгоды не могли омрачить её неунывающий дух. Мы с ней быстро сдружились. На самом деле я собиралась держать определённую дистанцию со своими бу-

душцами ученицами, однако обаяние Кэти легко рушило все мои оборонительные рубежи.

– Ты опять бегала на озеро? – нахмурилась я, заметив мокрый подол её платья. – Ох, Кэти! Тебе мало было наказаний на прошлой неделе?

– Миссис Касл сегодня весь день дрыхнет в кресле, так что она ничего не заметила. А на озере такая красота!

– Сними свою верхнюю юбку, пока я схожу за утюгом к миссис Клапп. Она, наверное, считает меня законченной франтихой, ежедневно наглаживающей свои оборки!

Пока мы проводили операцию по спасению платья, девочка трещала без умолку. Волей-неволей я была в курсе всех её шалостей. И не думайте, что все они были безобидны! Могу рассказать один случай.

Наш мясник, мистер Хоппер, как-то раз завёл поросёнка. Маленький Паштет тут же стал любимцем всей детворы, а уж Кэтрин в нём просто души не чаяла и учила его всяким уморительным фокусам. Мясник, однако, кормил животину не развлечения ради, так что, несмотря на мольбы Кэти, Паштет оправдал своё имя и был подан к столу. Месть девочки была скорой и по-своему изящной. Придя утром в лавку, Хоппер впотьмах увидел, как с прилавка на него грустно смотрит поросёнок морда, окружённая призрачно-зелёным светом (накануне Кэти наломала в трухлявом пне хороших гнилушек). Спрятанные на чердаке бутылки заодно с ветром создали неплохой звуковой эффект. Мясник даже протрез-

вел и потом ещё неделю слегка заикался. Кэтрин он с тех пор крепко невзлюбил.

К счастью, в нашей школе не приветствовали физических наказаний. Строгие внушения миссис Холланд, материнские наставления миссис Касл и ледяные нотации мисс Сноу – всё это отлетало от Кэти, как от стенки горох. Я тихо надеялась, что мягкость и доверительное отношение скорее помогут разбудить лучшие стороны её живой натуры. Непоседливость также мешала девочке стать хорошей ученицей, исключая разве что рукоделие. Невероятно, но подвижная, как ртуть, девчонка могла несколько часов возиться с горсткой бусин, чтобы порадовать новым браслетом подругу или миссис Касл.

Переодевшись в сухое платье, девочка убежала. Напоследок она обняла меня и, прошептав «это вам», вложила что-то в руку. На моей ладони осталась крошечная шкатулка, сплетённая из тростника и отделанная ракушками. Я осторожно поставила её на каминную полку, где уже красовались несколько других вещиц от Кэтрин. Меня охватило тёплое чувство. «В этом и будет отныне заключаться моя жизнь», – подумала я, подойдя к окну и любуясь сиреневыми красками летнего вечера. Подарить этим обездоленным девочкам хоть немного радости, исподволь воспитывая их характер. Разве я сама не сирота? Кто, как не я, сможет понять их и помочь! К тому же, при такой жизни у меня не останется времени на личные переживания, и это было к лучшему, потому что мне

никак не удавалось изгнать из своих фантазий лорда Рэндона с его странными предложениями.

Как мало мы знаем о своём будущем! Я настроилась на тихую самоотверженную жизнь учительницы, но внезапно одно непредвиденное обстоятельство разрушило все мои планы.

Глава 3

Это случилось, когда в город приехал Иннелин. Он был одним из *хокерменов*, бродячих торговцев, из народа альвов. Хокермены – явление настолько необычное и оживляющее скучную жизнь в провинциальном городке, что заслуживают более подробного рассказа. Впрочем, как и альвы. Полагаю, их прозвали так из-за очень светлых волос, которые были их главной отличительной чертой. Также большинство из них отличались восприимчивостью к красоте и любовью к изящным искусствам. Альвы мастерски владели разными ремёслами. Если верить книгам, раньше их семьи селились прямо у нас в городах, открывая там свои мастерские и волшебные лавки. Мы не знали, по какой причине они ушли, но уже двести лет никто не видел женщину или ребёнка альва. Только бродячие торговцы-хокермены разъезжали по стране в своих пёстрых фургонах, и таких редкостей, как у них, ни в одном столичном магазине нельзя было сыскать! В то же время ни один разбойник в здравом уме не рискнул бы ограбить или оскорбить хокермена – за своих альвы мстили быстро и жестоко.

В Илсбери центром торговли был рынок. Кроме того, имелась ещё мясная лавка мистера Хоппера, бакалейный магазинчик «Универсальные товары миссис Томсон» (главное место встреч местных кумушек), модная лавка мисс Вайль

и ещё несколько мастерских. Людям этого было достаточно. Но всё равно, приезд хокермена был настоящим Событием! Обычно Иннелин останавливался в единственной приличной гостинице, никогда не задерживаясь дольше, чем на неделю. По вечерам в гостиничном баре собиралось всё мужское население, желая узнать новости или отправить срочное письмо. Иннелина знали все, от стариков до детишек. Ему можно было заказать какой-нибудь особый товар: например, если чьей-то жене в деликатном положении вдруг приспишит апельсинов в ноябре месяце, или понадобится редкий шёлк на свадьбу любимой дочери. Хокермен мог раздобыть что угодно, были бы деньги, и все знали, что товар будет доставлен в лучшем виде и за кратчайший срок. Это был один из секретов альвов. Как им это удавалось – никто не знал. Думаю, у них была своя система сообщений. Все хокермены постоянно поддерживали связь между собой. Суеверные люди говорили, что альвы продали свои души народу фэйри, а взамен те приютили в своих полых холмах их семьи и открыли им тайные дороги, да ещё подарили вечную молодость в придачу. Лично я не верю в этот антинаучный бред. С другой стороны, я помнила Иннелина ещё с детства, и за всё это время он ни капли не изменился: высокий блондин в неброской тёмной одежде, с такой изящной фигурой, что в нём никак нельзя было заподозрить большой физической силы, хотя однажды я видела, как он в одиночку вытолкнул свой застрявший в грязи фургон.

В тот памятный день в середине сентября я была свободна от уроков, так что прямо с утра, прихватив этюдник и свёрток с бутербродами, отправилась порисовать в холмы. Мне давно хотелось перенести на бумагу этот призрачный туманный свет, который бывает осенним утром в горах. Что ж, могу засчитать себе ещё одну неудачную попытку. Промучившись напрасно несколько часов, я сложила этюдник и неторопливо двинулась обратно, по пути завернув в лавку миссис Томсон за иголками. «Уж если не повезёт с утра, так весь день насмарку!» – подумала я, наткнувшись в лавке на мистера Хоппера. После «поросычьей» шуточки Кэти он заочно меня недолюбливал. Мазнув по мне неприязненным взглядом, толстяк процедил:

– Всё учительствуете, мисс Гордон? Кстати, эта ваша протеже... как бишь её, Кэтрин? Доигралась-таки. У Иннелина какие-то побрякушки спёрла. Хана теперь девке. С альвами шутки плохи.

Мне стало плохо. О боже, меня не было всего полдня! На полдня их оставить нельзя! Я кинулась к выходу, напрочь забыв про покупки. Мистер Хоппер с удовольствием крикнул мне вслед:

– Следить надо лучше за девкой! Совсем распустилась.

Теперь он не успокоится, пока по всему городу эту новость не разнесёт. Я заметила, как вошедшая в лавку миссис Шарп радостно наострила уши. Тоже сплетница ещё та!

Задыхаясь, я бежала до самой школы, уговаривая себя не

переживать раньше времени. Просто Хоппер до сих пор зол на Кэти, вот и болтает всякую чушь! Сейчас я сама во всём разберусь.

То, что мясник, к сожалению, не солгал, я поняла сразу, увидев в школьном холле самого Иннелина.

Я забыла рассказать о ещё одной особенной черте альвов. Якобы те же фэйри наделили их народ невероятной привлекательностью для противоположного пола. Сегодня это волшебство сработало на тысячу процентов. Наши дамы, обычно исполненные достоинства, сгрудились вокруг пришельца, как стайка воркующих голубей. Воздух вокруг трепетал от приторных улыбок. Миссис Клапп с невообразимой, украшенной бантиками прической настойчиво предлагала гостю отведать пончиков. Мисс Сноу порывалась ненавязчиво взять хокермена за руку, причем одета она была в такое открытое платье, которое уместно разве что вечером. Судя по растерянному лицу, Иннелин очень чтит правила вежливого обращения с леди, но был не настолько искущён в светской жизни, чтобы от этих леди безболезненно избавиться. «Придётся вмешаться», – вздохнула я и решительно потеснила окружающий его цветник.

Заметив среди окружающего благолепия моё хмурое лицо, хокермен обрадовался мне, как потерянной сестре:

– Мисс, вы не будете так любезны подсказать, где я мог бы найти директора? – воскликнул он звучным голосом, заглушив щебетание наших дам.

– Прошу вас, – показала я на лестницу. – Я тоже иду к ней. Выбраться из холла было непросто. Пришлось прибегнуть к военной хитрости:

– Миссис Клапп, – шепнула я на ухо пожилой даме, – на кухне срочно требуется ваш совет. Они собираются печь пирог с ревенем! Вы только подумайте!

Охнув, она устремилась в хозяйственное крыло, прихватив блюдо с пончиками.

– Мисс Сноу, боюсь, старшие школьницы опять без спросу взяли ваши ноты. Моего авторитета явно недостаточно... только вы сможете на них повлиять! – добавила я, подпустив в голос нотку драматизма.

Негодование и педагогический долг мигом вытеснили из изящной головки мисс Сноу все романтические порывы. Я с облегчением заметила, как хокермен, воспользовавшись передышкой, проскользнул на второй этаж.

– Кстати, а что случилось? – спросила я, догнав его на середине лестницы. Во мне теплилась надежда, что мы сумеем решить проблему без вмешательства руководства. Кэти и без того часто влетает. Так и до исключения недалеко!

– Вчера одна из ваших воспитанниц заинтересовалась одной вещицей в моей лавке, – сухо сказал Иннелин. – Это один из моих амулетов. Он не предназначен для детских рук, хотя девушка, похоже, была просто очарована. Боюсь, эта вещица так ей понравилась, что она решила забрать её себе. Я понимаю, что молодым девушкам нравятся красивые иг-

рушки. – Обернувшись ко мне, хокермен улыбнулся, но почему-то от этой улыбки у меня озноб прошел по спине. – Я хотел предложить ей обменять амулет на что-то другое. Эта вещь очень ценна для меня.

Как ни жаль, но стало понятно, что без директора нам не обойтись. Если верить описанию Иннелина, девушка была одета в форменное платье нашей школы и выглядела точь-в-точь как Кэтрин. Вздохнув, я постучала в дверь кабинета и пригласила торговца внутрь.

* * *

Мы сидели в кабинете вчетвером – я, Иннелин, невозмутимый, как кот в засаде, красная от гнева миссис Холланд и хлюпающая носом Кэтрин. Допрос тянулся уже почти час, а дело не сдвинулось ни на шаг.

Кэти разрыдалась прямо с порога, не успев дослушать обвинений. Вообще-то, из неё получилась бы превосходная актриса, но в этот раз её поведение показалось мне искренним.

– Я не делала этого, мисс! Ничего я не брала! Неужели вы мне не верите? – повторяла несчастная девочка, и больше от неё ничего нельзя было добиться.

Миссис Холланд, обычно невозмутимая, в этот раз вышла из себя: она так стукнула по столу ладонью, что едва не уронила тяжелые папки, а от её гневного окрика даже я подскочила на стуле. Директрису можно было понять. Кэтрин

Бэйль не в первый раз испытывала терпение преподавателей. Сегодняшний случай вообще за гранью – такое пятно на репутации школы! Однако я понимала, что криками от Кэти ничего не добьёшься. От испуга она только замкнется в себе, и мы не получим ни одного вразумительного ответа.

– Минутку, спокойно, – вмешалась я. – Давайте разберёмся. Мистер Иннелин, когда вы обнаружили пропажу?

– Вечером, часов в десять, – тут же откликнулся торговец. – Но я мог не сразу заметить отсутствие амулета.

– Кэтрин побывала в вашем фургоне в пять часов, так?

– Да. Её заинтересовали украшения из цветов. Я, конечно, понимал, что девочка ничего не будет покупать, но разрешил их примерить.

– И вы показали ей амулет?

– Она сама его нашла. – Директриса метнула уничтожающий взгляд в сторону Кэти. – Он лежал в серебряной шкатулке на самой дальней полке. Это длинная цепь из зелёного золота, с медальоном. На медальоне есть гравировка, восьмилучевая звезда. В неопытных руках амулет может быть опасен, поэтому я забрал его и переложил в другое место. Девушка вскоре ушла.

– А потом, видимо, вернулась, – зло прищурилась директриса, – да?

– Нет! – всхлипнула Кэти.

– Я не буду напоминать, что самовольные отлучки из пансиона запрещены, хотя не думай, что тебе это сойдёт с рук!

За это ты будешь наказана отдельно! Ты присутствовала на вечерней молитве в восемь вечера. Где ты была до восьми часов? – допрашивала миссис Холланд.

– Я... – девочка запнулась и покраснела.

Ясное дело, скрывает что-то. Бойтся признаться. Где, интересно, её носило? Рыбачила на озере с приятелями? Вряд ли, за это ей крупно влетело на прошлой неделе, наставления миссис Касл не могли так быстро выветриться из её непутёвой головы. Торчала в шляпной лавке у болтушки миссис Ингер? Нет, та уехала на свадьбу к сестре, вернётся через пару дней. А если... ага!

– Простите, – поднялась я, – мне нужно уточнить один вопрос, – и вышла из кабинета.

Отсутствовала я недолго, пару минут.

– Говорят, что на этой неделе ночью будут заморозки, – произнесла я, вернувшись. На меня озадаченно уставились три пары глаз. Повисла немая сцена.

– А перед заморозками мистер Хоппер всегда снимает свои лучшие яблоки, так? – я строго посмотрела на Кэти, отчего та сжалась на стуле. – И укладывает их на чердак. Где ты и провела весь вчерашний вечер. Миссис Грин, медсестра, сказала, что у тебя утром болел живот. Ты объелась яблок, дорогая, не так ли?

Кэти хотела что-то сказать, запнулась и покраснела ещё больше, хотя, казалось, куда уж. Про её непомерную любовь к яблокам знала вся школа.

Я быстренько прикинула варианты. Мистер Хоппер по вечерам обычно бывает дома. Но если он и заметил Кэтрин, то нипочём нам об этом не скажет, он её терпеть не может. Кто ещё мог её увидеть? Кэти наверняка влезла в дом через чердачное окно. Перед самым домом растёт высокий клён, девочка же лазает по деревьям, как белка, ей туда забраться – раз плюнуть. А соседка Хоппера, миссис Шарп, не могла не отметить своим зорким глазом такое восхитительно непристойное зрелище. На неё вся надежда.

– Значит, так, – решила я. – Мы с мистером Иннелином сейчас опросим свидетелей. – А эту особу, – я взяла Кэти за руку, – если позволите, я отведу в лазарет.

Мне не хотелось оставлять девочку наедине с директрисой. Миссис Холланд, кажется, тоже этого не хотелось.

– Позволю с удовольствием, – устало сказала она. – А когда вы вернётесь, – последний уничтожающий взгляд на Кэти, – тогда мы продолжим разговор.

* * *

Помощь миссис Шарп нам не понадобилась. Завидев нас с Иннелином, мистер Хоппер сам вышел навстречу.

– Да слышал я, как она шуршит на чердаке, – махнул рукой толстяк. – Там у меня ещё книги старые сложены, от матери остались, вот она сидит, читает и яблоками хрустит себе. А что? Так хоть вреда от неё никому нет. Я уж и лестни-

цу потихоньку к чердачному окну приставил, а то ведь страх один, как она по дереву туда сигает, убьется ещё. Вечером, как колокол к молитве прозвенел, слышу – скатилась она по этой лесенке и дунула к школе, только пятки засверкали.

Я обернулась к Иннелину. Тот пожал плечами.

– Полагаю, мисс Кэтрин мы можем исключить из числа подозреваемых, – сказал торговец, с интересом глядя на меня. Затем он коротко поклонился и ушёл.

Оставшись вдвоём с мистером Хоппером, я с досадой спросила:

– Почему вы не рассказали мне это ещё тогда, в лавке? Нарочно? Хотели проучить Кэтрин? Чтобы её заподозрили, чтобы она испугалась?

– А вы думаете, я меньше испугался, когда того несчастного поросёнка увидел? – с вызовом ответил толстяк. – И вообще, говорю же – следить надо за девкой!

Он махнул рукой и ушёл в дом. А я побежала догонять Иннелина.

– Кто ещё подходил к вашему фургону вчера вечером, после Кэти? – выпалила я, слегка запыхавшись.

– Довольно много людей, – задумчиво ответил торговец. – Во-первых, ваш мэр, мистер Скорп. Пришёл почти сразу, как ушла Кэти. Нужно было уладить кое-какие формальности насчёт торговли. Потом миссис Коннор – я привёз ей лекарство, которое она просила. Мистер Хардман, здешний садовник, пришёл за семенами редких растений. Были ещё миссис

Лейн с дочерью и миссис Райд, ваша тётя.

– Тётя Роуз?!

– Не волнуйтесь, – улыбнулся Иннелин, – уверен, что вам неприятности из-за этого дела больше не грозят.

Я тоже на это надеялась, но мы крупно ошиблись. Неприятности только начались.

Глава 4

Целую неделю после этого случая Кэти вела себя тише воды, ниже травы. Для меня инцидент тоже даром не прошёл. Некоторые преподавательницы взяли привычку перешёптываться о чём-то за моей спиной. Миссис Пончики и мисс Декольте держались со мной очень сухо. Тут ещё Иннелин невольно подлил масла в огонь, подкараулив меня возле школы с неожиданным предложением. Нет, не с тем, которое обычно делают молодым девушкам.

– Я подумываю задержаться здесь на какое-то время, – сказал он с озабоченным видом. – Хочу открыть лавку. Мне нужен помощник: принимать товар, составлять списки закупок, отчёты о продажах. Вы согласились бы поработать секретарём?

Я опешила от такой новости. Альвы уже двести лет не жили в наших городах, а торговец-альв, открывший лавку и взявший на работу даму – это вдвойне необычное явление! Скорее всего, Иннелин решил задержаться из-за амулета, который пока так и не нашли.

– У меня уже есть работа, – намекнула я, не желая обидеть его резким отказом. – Думаю, в городе найдутся и другие дамы, готовые вам помочь.

– Да, некоторые предложили свои услуги (мне показалось, что на лице торговца мелькнул испуг). Они были очень... э-

э... любезны. Но я предпочел бы работать с вами. Видите ли, наш товар довольно своеобразен и требует, скажем так, определённой восприимчивости.

Иннелин мягко улыбнулся, заставив меня вспомнить сказки о волшебной привлекательности альвов. Может быть, дело в этом? Может, ему нужна помощница с «иммунитетом» к альвийской внешности? Я осторожно присмотрелась к Иннелину. Так, на всякий случай. Он, безусловно, красив: высокий, стройный, волосы длинные и почти белые, как у Кэти, только у него они прямые. Тёмные брови, как крылья, да и вообще в его лице было что-то птичье – острые черты, манера резко поворачивать голову, будто он прислушивался к чему-то. Однако никаких любовных чувств у меня его внешность не вызывала, слава богу.

– Подумайте, мисс Гордон, – настаивал торговец. – Я согласен на любые ваши условия.

На том мы и попрощались. В холл я вошла под перекрестным огнём завистливых взглядов. Стало ясно, что приятельство с Иннелином не добавит мне симпатии среди коллег. Образно говоря, над моей головой сгущались тучи.

Спустя пару дней, подходя к воротам школы, я увидела отъезжающего всадника в тёмном плаще. Мне показалось, что со спины он похож на Рэндона, но я тут же обругала себя за мнительность. Во-первых, все убедились, что наша школа не имела отношения к пропаже альвийского амулета, так что лорду придётся расследовать это дело где-нибудь в дру-

гом месте. Во-вторых, если вдруг у него имелась малолетняя родственница, которая нуждалась в совершенствовании манер, ей здесь нечего делать. Наша школа не для знатных аристократок. Скорее всего, я обозначилась, а Рэндон наверняка и думать обо мне забыл. Пора уже выбросить его из головы и успокоиться.

* * *

Этот сентябрьский вечер выдался неожиданно холодным в череде солнечных золотых дней, однако в маленьком трактире на Старой площади было шумно и весело. В глубине зала щедро пылал камин, синие запотевшие окна отгораживали посетителей от осенней слякоти. Вкусно пахло мясными пирогами и жареной рыбой.

Рэндон с Иннелином заняли отдельный стол в углу возле окна. Альв явно наслаждался не столько ужином, хотя кормили здесь очень неплохо, сколько покоем. Обычно, едва он просовывал голову в дверь, как кто-нибудь из горожан тут же звал его за свой стол и присаживался на уши с бесконечными просьбами, но в этот раз присутствие верховного лорда сдерживало людей, вынуждая держаться подальше. На всякий случай.

– Редко когда удаётся так спокойно посидеть! – улыбнулся альв.

– Это, однако, не способствует нашему расследованию. –

Рэндон обвёл рукой окружавшее их свободное пространство. Я уже и забыл, каковы нравы в глубинке. Маленький замкнутый мирок, не слишком жалующий чужаков.

– Надеюсь, с твоей помощью мы найдём убийцу. – Альв внимательно посмотрел на друга. Тот с досадой нахмурился.

– Не может быть, чтобы ты сам не заметил. Щадишь моё самолюбие? Я перегорел, Иннелин. Последнее дело слишком дорого мне обошлось, поэтому, если ты рассчитываешь на магию верховного лорда – напрасно. Я пуст, как курсант перед присягой, – и Рэндон раздражённо плеснул себе ещё вина.

– Я слышал, что твоё последнее дело было громким, – осторожно заметил альв.

– О да! Можно сказать, я ушёл с музыкой. И фейерверком, – усмехнулся человек.

– Что значит «ушёл»?

– Подал в отставку.

– Уверен, что Георг её не принял.

– Нет, конечно, – вздохнул лорд. – Знал бы ты, как мне надоели все эти пустые фразы: «ты восстановишься», «всё наладится»... Сочувственные взгляды, перешёптывания за спиной. Я был рад оказаться подальше от столицы. Уехал, как только получил твоё письмо.

– Как это случилось? Слышал, вы накрыли какое-то тайное общество?

– Просто невероятно, сколько их развелось в последнее

время! Иногда кажется, что чем активнее мы развиваем науку и промышленность, тем сильнее бродят в головах у людей мутные суеверия, обрывки древних легенд и таинств. Может, это своего рода противовес? Дань всеобщей гармонии? С одной стороны, за последние годы мы открыли несколько фабрик, запустили железную дорогу, вдвое увеличили объём морских перевозок... С другой – в столице как грибы после дождя вылезли всякие месмеристы, спиритуалисты, Дети света, Внуки Изиды... Можно сказать, в Спленфилде сейчас вошло светило истинного мракобесия. Хуже всего, что некоторые из этих просветленных братьев заглядываются на кресла в Кабинете. А те, об кого я обломал зубы, – некий Орден Дракона, огнепоклонники, – вообще замахнулись на трон. Мы их вычислили, но потом всё пошло не по плану. Результат ты видишь перед собой.

– Так это из-за травмы ты примкнул к прогрессистам? – прямо спросил Иннелин своего друга. – Разочаровавшись в магии традиционной, ищешь теперь смысл в человеческом разуме и магии механической?

– Да, хотелось бы опереться на что-то более прочное, чем непонятная сила, которая рождается под действием присяги и может неожиданно тебя покинуть. Надеюсь, что мои мозги окажутся надёжнее.

– В нашем деле мы обойдёмся вовсе без магии, – сказал Иннелин, наклонившись над столом. – Достаточно будет твоего опыта и интуиции. В Илсбери нет никаких тайных об-

ществ. Здесь действует одиночка. Какой-то чернокнижник. Я чувствую его жажду, неудовлетворённость... В древности в этих местах обитали жестокие боги, и сейчас ещё находятся безумцы, готовые воскресить их в обмен на силу и могущество. Мы найдём его.

– Он ведь убивает, Иннелин, – нахмурился Рэндон. – На его счету уже четыре жертвы. Что, если мы не успеем его остановить? Каждое следующее убийство будет на нашей совести. Мне неприятно расписываться в своей беспомощности, но, если хочешь, я вызову сюда кого-нибудь из сильных лордов. Форсайта, например...

Иннелин горячо возразил ему:

– Ты же знаешь, как сейчас в правительстве относятся к преступлениям, связанным с тёмным колдовством! И как жёстко их искореняют! После Форсайта здесь останется пепелище, образно говоря. Может, городок и устоит, но его жители ещё долго будут видеть кошмары по ночам. Этот несчастный город сейчас заражен, однако чтобы вылечить опухоль, необязательно выжигать её кислотой!

– Ты привёз сюда альвийский амулет, чтобы вычислить место силы этого чернокнижника?

– Да. Но я не ожидал, что он ухитрится похитить амулет! Дерзкий тип.

Рэндон взял список людей, отметившихся возле фургона в тот памятный вечер.

– Ему даже не обязательно было приходиться лично... –

пробормотал он. – Мог бы послать кого-нибудь. Постой-ка, что за миссис Райд? Не родственница ли она Чарльза Гордона, у которого ты изъял некоторые интересные книги по тёмной магии?

– Она сестра его жены. Мисс Гордон – его дочь. Согласен, некоторые нити расследования ведут к их семье, поэтому я и рассчитывал привлечь к нашему делу Элизабет.

– ...А их конюх выглядит так, что я готов поставить свой кинжал против этой вилки, что это он развлекается с ножом в здешних холмах, – продолжал размышлять лорд Рэндон. – Слушай, а юная леди часом не может оказаться...

– Не может, – отрезал альв. – Эта девушка свежа, как яблоко, и с душой чистой, как откованный в Авеллине клинок.

– Поэтично звучишь, – усмехнулся Рэндон. – В таком случае, сотрудничество с нами автоматически превратит её в приманку. Ты хоть понимаешь, что собираешься дразнить Чернокнижника этим – как ты там выразился – кусочком яблока на острие альвийского клинка? Надеюсь, ты сумеешь её защитить.

– Уверен в этом. Иначе бы не предлагал.

– Хорошо. Скажу честно, в нашу первую встречу я пытался уговорить мисс Гордон перебраться в столицу. Мне казалось, это дело слишком опасно, чтобы вмешивать сюда леди. Но она отказалась!

Хокермен поперхнулся вином.

– Что-что ты ей предложил? – нахмурился он, отложив

вилку. – Алекс, могу я спросить, каковы твои намерения относительно этой девушки?

– Такой вопрос и таким тоном мог бы задать её отец.

– Будь её отец жив, он спросил бы у тебя то же самое.

– Не волнуйся, мне сейчас не до интрижек. Чёрт возьми, не прошло ещё и месяца после разрыва моей помолвки! И мисс Гордон не настолько тронула моё сердце, чтобы претендовать на роль будущей леди Рэндон. Я устроил бы её в Университет, мне казалось, что такая девушка, как она, будет рада получить серьёзное образование! Что ж, я ошибся.

– Я не знал насчёт твоей помолвки, – обалдело пробормотал Иннелин. – Неужели Алисия...

– Леди Алисия сбежала быстрее ветра, как только узнала, что вместо блестящего столичного общества её ожидает глухое родовое поместье, а вместо перспективного мужа – бессильный калека без капли магии. И давай больше не будем о женщинах. Я не против участия мисс Гордон, если ты сумеешь обеспечить её безопасность.

Глава 5

Когда миссис Холланд вызвала меня к себе, я почти не удивилась. Успела уже морально подготовиться. Больше удивило, что директриса и не думала в чём-нибудь меня обвинять. Наоборот, она готова была извиниться за то, что вынуждена попросить меня уйти. Официально меня не уволили – я ушла сама, «чтобы не провоцировать дальнейшие ссоры и разногласия». Миссис Холланд мягко утешала меня, что замечания других коллег – «потакание слабостям воспитанниц», «попытки завоевать дешёвый авторитет» – это вполне простительные ошибки для молодого преподавателя, и она ни за что не рассталась бы со мной, если бы не сложное положение, в котором оказалась школа. В общем, я не стала тянуть кота за хвост, быстро всё подписала и ушла.

С учительской квартирой тоже пришлось расстаться, но мне повезло быстро найти себе новую комнату, правда, очень скромную. Я всегда любила центральную улицу Илсбери, вымощенную круглой брусчаткой, с нарядными прохожими и тёплым светом газовых фонарей по вечерам. Здесь располагались самые красивые дома, на первых этажах которых призывно блестели вывески пекарен, кондитерских или модных лавок. Здесь же располагался сквер со скамейками и тенистыми деревьями, где можно было гулять даже по вечерам, не боясь угодить в неприятную историю. Прекрасное

место. К сожалению, жильё в этом престижном районе было мне не по средствам.

На следующий день после разговора с директрисой извозчик высадил нас с котом на Сиреновой улице, в тихом запущенном переулке, возле двухэтажного дома, выкрашенного в серый и коричневый цвет. Я сняла здесь крошечную квартиру на втором этаже. Эту улицу никогда не мостили, так что за нашей повозкой оседала пушистая рыжая пыль. В палисадниках пышно кудрявились сирень и боярышник. Поблизости не было праздношатающихся прохожих, что меня только порадовало. Это давало возможность человеку, стеснённому в средствах, спокойно перетащить в квартиру свои вещички, не привлекая лишнего внимания соседей. Даже носильщики были мне не по карману. Моя новая хозяйка, миссис Хиггис, потребовала плату за месяц вперед, и это съело почти все мои сбережения.

На моё счастье, самой таскать сундуки мне не пришлось. Когда я пыталась открыть неподатливый дверной замок, за спиной вдруг послышался шорох. Обернувшись, я с изумлением увидела на лестничной площадке Иннелина. В руках он легко держал два моих сундука. Как будто они вообще ничего не весили! Действительно, волшебство.

– Теперь моя очередь вам помочь, – просто сказал он.

Первым в квартиру гордо вошёл Демьюр. Моё настроение упало при виде старых обоев, кое-где отстающих от стен, и камина, покрытого копотью. В слабом луче солнечного све-

та, которому удалось пробиться сквозь грязные стёкла, танцевали пылинки. Да, над обстановкой здесь придётся серьёзно поработать! Демьюр сделал пару шагов, брезгливо отряхнул лапы и запросился ко мне на руки, видимо, посчитав меня самым чистым предметом мебели.

– Я был сегодня в лавке у миссис Томсон, – сказал Иннелин, – и узнал, что вы оставили прежнюю работу.

Оглядев комнату, он отнёс сундуки в дальний угол, где стояла кровать с пыльным пологом, настолько древняя, что она казалась ровесницей моей покойной бабушки.

Я мысленно застонала. Не успели ещё высохнуть чернила на моём приказе об увольнении, а дотошные соседи уже все были в курсе! Я-то надеялась, что у меня в запасе есть пара-тройка дней, чтобы зализать раны оскорблённого самолюбия. Как теперь показаться им на глаза?

– ...И ваша тётя тоже была там, – добил меня Иннелин.

– О, нет! – вырвалось у меня. Я зарылась лицом в кошачью шерсть. Ситуация ухудшалась прямо на глазах.

– Я взял на себя смелость сказать, что это я уговорил вас оставить место преподавателя ради должности моего секретаря.

– Что? Но как же...

– Интересная работа, двадцать лейров в месяц, и два свободных дня каждую неделю. Соглашайтесь, мисс Гордон.

«А моя репутация?!» – хотела я завопить, но сдержалась. Во-первых, от неё и так остались одни ошмётки. Во-вторых,

мне действительно нужна работа. И, кстати, в пансионе мои заработки были гораздо скромнее.

– Вы уверены, что вам *настолько* необходим секретарь? – грустно спросила я.

– Совершенно уверен. Вы ответственные, деликатны. Умеете подмечать разные мелочи, знаете своих соседей, их привычки, потребности. Вы поможете мне составить график закупок, будете вести учёт. Мы прекрасно сработаемся.

В результате я согласилась. А что? Можно подумать, у меня был выбор.

* * *

Иннелин был так любезен, что дал мне время обустроиться в новом жилище и даже прислал двух помощниц, сказав, что я могу оплатить их услуги позже. Было неловко принимать от него одолжения, но одна я бы просто не справилась! В домике на Сиреновой улице закипела работа. Мы вымели и вычистили всю грязь, покрасили стены внизу, поклеили новые полосатые обои. Осталась проблема с неработающим камином, но это могло подождать до холодов. Моя квартирная хозяйка, миссис Хиггис, оказалась приятной дамой с величавыми, хотя и несколько старомодными манерами. Своим маленьким хозяйством она управляла «твёрдой рукой в бархатных перчатках», то есть мягко, но уверенно. Единственным её недостатком была любовь к долгим вечерним чае-

питиям. Заметив, что по вечерам я обычно сижу дома, миссис Хиггис повадилась заглядывать ко мне с чайным подносом и разговорами. Если подумать, только она в эти дни и скрашивала моё одиночество. Один раз я встретила на улице двух закадычных подруг, миссис Шарп и миссис Коннор. Я улыбнулась и приготовилась поздороваться, но достойные дамы молча прошли мимо, не удостоив меня даже взглядом. В первую минуту я опешила от обиды, и только потом поняла, насколько скандальным они посчитали моё поведение. Устроиться секретарём к постороннему молодому (молодому, ха! да ему, наверное, лет сто!) мужчине считалось у нас верхом неприличия. Оставалось надеяться, что старые подружки не отвернутся от тёти Роуз, не оставят её одну. Я порадовалась, что у тётушки есть ещё Эмили. Про мою кузину никто в Илсбери не посмел бы сказать ни одного дурного слова!

На следующий день случилась ещё одна встреча, которая гораздо сильнее выбила меня из колеи. Я на минутку забежала в магазин миссис Томсон, а выходя, увидела, что навстречу движется элегантный открытый экипаж, в котором сидел лорд Рэндон собственной персоной. Напротив него в пене шёлковых юбок расположилась мисс Беатриса Лейн со своей компаньонкой. Эта девушка была признанной городской красавицей и наследницей богатого поместья, так что приезжего лорда, по крайней мере, можно было похвалить за хороший вкус. Интересно, повернётся ли у него язык озву-

читать ей такое же предложение, как мне тогда? Как нарочно, в то утро я была причёсана наспех, и к тому же нагружена ведром, шваброй, тазом для стирки и свёртком других хозяйственных мелочей. Зрелище наверняка было ещё то. Показалось, что при виде меня на лощёной физиономии Рэндона мелькнула улыбка, но он быстро отвернулся, и их экипаж проехал мимо. В первую минуту мне неудержимо захотелось спрятаться обратно за дверь. Я одёрнула себя: «Какое тебе дело до этих господ?» Да, у меня нет лишних денег, чтобы оплатить доставку, ну и что? Зато я теперь самостоятельная женщина, и сама распоряжаюсь своей жизнью! Я была действительно благодарна Рэндону за то, что он не наябедничал тётке за ту нашу ссору, но решила о нём больше не вспоминать.

* * *

Было большим облегчением узнать, что стоять за прилавком мне не придётся, так как Иннелин нашёл мне помощницу. Девушку звали Пенни. Она была невысокого роста, румяная, с яркими голубыми глазами, узлом пышных русых кудрей и такими милыми ямочками на щеках, что невозможно было не улыбнуться ей в ответ. Перед Иннелином девушка явно робела, опускала глаза долу и на все его замечания отвечала только «да, сэр». Меня она тоже поначалу дичилась, но мы быстро нашли общий язык.

Вскоре хокермен привёз первую партию товаров. Мы решили, что не будем торговать обычной бакалеей, чтобы не создавать конкуренцию миссис Томсон с её магазинчиком. Лишние недоброжелатели в городке были нам ни к чему. К тому же, у Иннелина водились такие диковинки, что мы с Пенни только ахали, раскладывая их на полках.

Рулоны тонких полупрозрачных тканей, книги в сафьяновых переплётах, обычные с виду горшочки, в которых варенье и масло могли сохраняться свежими сколь угодно долго, серебряные безделушки, цветные чернила, не выцветающие со временем... Все альвийские товары и их свойства я старательно заносила в особую толстую тетрадь и старалась лучше запомнить.

В первые дни посетители хлынули сплошным потоком. Ещё бы! Иннелинская «лавка чудес» стала редким развлечением для города, тем более что сезон балов в столице уже закончился, и богатым семьям, вернувшимся в свои поместья, надо было себя чем-то занимать.

Нас почтил вниманием даже городской мэр – мистер Скорп. Признаюсь, я не ожидала его увидеть. После смерти своей супруги, мисс Эвелин, он производил впечатление человека, изжившего в себе всё человеческое, извиняюсь за тавтологию. Он казался не живым существом, а некоей функцией, ходячим символом муниципальной власти. Тётя Роуз очень его уважала и иногда говорила, что это первый градоначальник на её памяти, который нужды общества ста-

вит выше собственных, поскольку своих интересов у него попросту нет. Внешне это был высокий худощавый джентльмен с седыми висками, пронзительными черными глазами, в неизменном чёрном сюртуке и шляпе. Шутники говорили, что в его шкафу висит добрый десяток одинаковых костюмов. Я никогда не видела его одетым в другой цвет, кроме черного. Его немногословность и однообразные скупые жесты рождали фантазии, что мистер Скорп – это не живой человек, а некий сложный механизм. Я представляла, как он возвращается в свой пустой дом, ставит трость на подставку и замирает в холле до следующего выхода, и взгляд его медленно тускнеет. Да, иногда моё воображение бывает довольно мрачным.

Итак, мистер Скорп внимательно осмотрел наши товары, похвалил обустройство, после чего глубокомысленно заметил:

– Думаю, вашим родным было нелегко было смириться с вашим жизненным выбором, мисс Гордон.

Некоторым пожилым людям свойственна такая прямота, граничащая с бестактностью. Впрочем, за последний месяц на меня обрушилось столько сарказма, что подобные высказывания почти перестали меня смущать. Я лишь молча пожала плечами.

– У меня нет намерения вмешиваться в вашу жизнь, – продолжал мистер Скорп, – но я хотел бы предложить вам альтернативу. Мои друзья ищут гувернантку для своей доче-

ри. Правда, они живут далеко отсюда, в Эвонвилле.

– Это же на побережье! – воскликнула я. Уехать так далеко от дома? Невозможно. Если бы даже я захотела, мне пришлось бы выдержать целую войну с тётёй Роуз.

– Разве молодёжь страшится путешествий? – спросил мистер Скорп, изобразив на лице подобие улыбки. – Представьте себе: новый город, где о вас не сложилось ещё никакого мнения, где можно начать всё с чистого листа. Вы увидите море. Только ради этого стоило бы предпринять такую поездку!

– Благодарю вас, но в ближайшее время я не планирую менять работу.

– Всё же, если надумаете, не стесняйтесь обратиться ко мне. Знаете, моя жена, Эвелин, всегда старалась помочь молодым девушкам, оказавшимся в затруднительном положении.

Это правда, я слышала от тётки, что миссис Скорп состояла в нескольких комитетах помощи женщинам и постоянно занималась общественной работой. Господин мэр тем временем продолжал:

– Теперь, когда её не стало, я считаю своим долгом по мере сил поддерживать её дело.

– Я понимаю ваши чувства, но...

– Главное – знайте, что у вас есть выбор, мисс Гордон. Выбор есть всегда.

От этого разговора у меня осталось тёплое чувство. Даже

неловко, что я считала мистера Скорпа сухим и бессердечным человеком. Оказывается, он совсем не такой!

Другим неожиданным посетителем был лорд Рэндон. Я удивилась, узнав, что они с Иннелином давно знакомы. Оказалось также, что Рэндон, когда не смотрит на тебя свысока и не демонстрирует свой покровительственный тон, может быть вполне интересным собеседником. Его немного задело наше с Пенни восхищение альвийскими диковинками, и он обещал при случае познакомить нас с чудесами механической магии, чтобы Иннелин не слишком-то задавался. После его ухода мне удалось выведать у хокермена, что наш сиятельный лорд пользуется большим уважением у альвов. Однажды он помог уладить серьёзные проблемы в одном из кланов, и в благодарность получил альвийское имя Аксара, означающее «молния». По словам Иннелина, это был беспрецедентный случай. В общем, Рэндон прямо открылся мне с неожиданной стороны.

Время от времени в лавку забегала Кэтрин, разумеется, тайком. Рассказы Иннелина об обычаях альвов она могла слушать бесконечно. Иногда я брала с собой Демьюра, чтобы он не скучал дома один. Кот быстро освоился в лавке, одобрил Пенни, мигом присмотрел себе уютное местечко под лампой и... внезапно проникся симпатией к Рэндону. Стоило тому появиться, как Демьюр немедленно просыпался, вился вокруг его ног и призывно урчал. Я только диву давалась, пока не заметила, что коварный лорд подкармливал

этот меховой мешок кусочками сала. За сало мой беспринципный кот мог душу продать.

Однажды Кэтрин пришла к нам с подругой. Абигаиль – так её звали – я помнила ещё по пансиону, куда она приходила брать уроки музыки у мисс Сноу. Это была маленькая робкая девчушка, похожая на воробушка. Несколько раз я видела её в городском сквере. Как правило, она чинно сидела на скамейке рядом с няней, посматривая на играющих девочек, но не решалась к ним присоединиться. Чтобы немного её ободрить, я подарила ей маленький серебряный колокольчик. Он звучал очень нежно и умел вызванивать три-четыре простых мелодии. Через неделю дела опять привели меня в центр. Улучив минутку, я решила прогуляться по скверу. На соседней аллее послышался знакомый серебристый перезвон. «Абигаиль играет со своим колокольчиком», – подумала я и пошла поздороваться. На аллее четыре девочки играли в мяч. Среди них была и Абигаиль. Обернувшись, она просияла при виде меня и засмеялась переливчатым звонким смехом. Уже не воробушек, а яркая колибри. Тогда я впервые подумала, что альвийские товары таят в себе нечто особенное...

Самыми сложными, выматывающими душу покупателями были юные леди. Они залетали в лавку щебечущей стайкой, хихикали, ахали при виде безделушек, дотошно расспрашивали про каждую из них и исчезали, зачастую так ничего и не купив. Иннелин не горел желанием иметь с ними

дело – наверное, тёплый приём в нашей школе ещё не изгладился из его памяти. Пенни тоже робела, так что мне всякий раз приходилось принимать удар на себя.

Вот и сейчас, увидав знакомую компанию из четырёх подруг, я обречённо оставила Пенни разбирать привезённые специи, а сама поспешила навстречу девушкам.

Судя по их нарядам, этой осенью в моду вошел фиолетовый цвет. Платья девушек, впорхнувших в лавку, переливались всеми оттенками сливового, сиреневого, лилового и лавандового. Шляпки были украшены цветами и каскадами лент, широкие оборки платьев создавали лёгкие вихри. Девушки сгрудились в том углу, где были выставлены новинки, и, как всегда, засыпали меня вопросами. Вскоре моя голова готова была лопнуть от их разноголосья, но в этот момент очень вовремя появился лорд Рэндон. От его высокой атлетической фигуры в лавке сразу стало тесно.

При виде мужчины бывшие задушевные подружки тут же превратились в стайку вредненьких котят, перед которыми поставили чашку сливок. Никакого откровенного флирта – боже упаси! – но каждая исподволь старалась привлечь его внимание. Ко мне они тут же потеряли интерес, чему я была только рада. Меня вполне устраивала роль наблюдательницы.

– А это что за цветы? – вдруг с ангельской улыбкой обернулась ко мне мисс Лейн, погладив стоявшие на прилавке в керамической вазе розовые и белые бутоны.

– Это альвийские колокольчики. Если вплести их в причёску или приколоть к корсажу, они наделают обладательницу обаянием фэйри, – невозмутимо ответила я. – Правда, ненадолго.

– Ах, какая прелесть! – защebetали девушки. Рэндон галантно предложил подарить каждой из них по цветку.

– Вы забыли ещё про одну особу, – мисс Беатриса, воплощенная справедливость, указала на меня.

– Я считаю, что мисс Гордон вовсе не нуждается в подобном дополнительном украшении.

– О... – протянула мисс-наша-первая-красавица, явно подозревая, что в этой фразе таился комплимент, который почему-то достался не ей. Зная Рэндона, я, наоборот, подозревала подвох.

– Мне кажется, подобные вещицы призваны добавить их обладательнице немного уверенности. Мисс Гордон и без того обладает значительным апломбом, так что ей такие украшения ни к чему.

Беатриса удовлетворённо улыбнулась, но меня это не расстроило. Ну я же знала, с кем имею дело! Наш лорд слова доброго не скажет, чтоб без издевки. Я слегка насмешливо поклонилась. После покупки колокольчиков интерес девушек к волшебным артефактам иссяк, и они вместе с Рэндонном поспешили к ожидающим их экипажам. В лавке воцарилась благословенная тишина.

– Всё равно вы куда красивее, чем любая из этих леди! –

храбро заявила Пенни, которая в течение беседы благо-
зумно держалась в сторонке.

Я неопределённо хмыкнула, пожав плечами:

– Что я... Подожди, я познакомлю тебя с Эмили, когда
она приедет. Мисс Лейн ей и в подмётки не годится.

– Поверю, когда увижу, – лукаво улыбнулась девушка.

Нет, всё-таки с напарницей мне очень повезло!

Глава 6

Утром мы с Иннелином устроились возле окна со счётной книгой, подводя итоги первого месяца работы. По всему выходило, что месяц получился очень успешным. Хокермен прямо заявил, что у него никогда ещё не было такой удачной торговли. Мы с Пенни немедленно возгордились. Иннелин решил, что такой успех стоит отметить, и приготовил глейн – специфический напиток альвов, похожий на пряный густой сироп. Аромат у него был потрясающий. По словам Иннелина, глейн придавал человеку сил и мог даже вылечить лёгкую простуду.

Не успели мы пригубить из чашек, как в дверь постучали:

– О, похоже, я вовремя! – воскликнул Рэндон, едва переступив порог. Он принялся и радостно насторожился:

– Иннелин, ты же не откажешь старому другу в глотке твоей амброзии!

Я с досадой отвернулась. Вот принесло его некстати!

– ...А взамен я покажу вам одно из чудес механической магии, как обещал, – вкрадчиво добавил лорд.

Пенни, допив свою чашку, вернулась в кладовку. Я не собиралась следовать её примеру. Знаю, что леди не должна вмешиваться в мужские разговоры, но тема была интересной. А может, это волшебный глейн придал мне храбрости.

– Итак, узрите артефакт механической магии будущего!

Мы с Иннелином заинтересованно переглянулись, когда Рэндон жестом фокусника извлёк из-за пазухи... листок плотного картона, на котором в некоторых местах были прорезаны одинаковые отверстия.

– Перфокарта? – удивилась я. – Это похоже на обычную перфокарту для одного из тех новомодных ткацких станков. Только для станков их, кажется, делают из жести.

Иннелин с любопытством вертел в пальцах картонку, так что я сочла нужным пояснить:

– Станок под управлением перфокарт позволяет делать ткани со сложным плетением. Всё просто: цепь таких карт вешается на станок, по картам скользят металлические иглы – шупы. Шуп либо упирается в карту, либо проваливается в отверстие. От того, какие иглы попадут в отверстие, зависит вид узора. Оригинальное решение, из тех, про которые думаешь: «Как же раньше никто до этого не додумался?» Но при чём тут магия?

Рэндон поаплодировал мне и слегка насмешливо поклонился:

– Увидите, если вы, мисс Всезнайка, отвлечётесь от темы дамских юбок и взглянете на проблему шире. Можно ли заставить станок ткать другой узор?

– Да, конечно. Для этого достаточно повесить на станок другой набор карт. В смысле, с отверстиями в других местах.

– Вот именно! Раньше все механизмы работали одинаково: вы заводите часы, и они будут тикать, пока завод не кон-

чится. Но здесь мы имеем дело с машиной, с которой можно вести диалог, которую можно научить разным вещам, и вот это, – показал он на перфокарту, – универсальный язык для общения с ней. Язык отверстий, двузначная логика: нет отверстия – нуль, есть отверстие – единица. На этом языке мы сможем написать любой набор команд. Нас будет ограничивать лишь объём памяти машины. Здесь начинается настоящая магия! Что вы скажете, если узнаете, что сейчас идёт разработка счётной машины, работающей под управлением перфокарт? Которая сможет обеспечить мгновенное выполнение сотен и сотен вычислений?

– Скажу, что математики выстроятся к вам в очередь со своими навигационными и логарифмическими таблицами, а господин Бернулли благословит вас из могилы, – улыбнулась я.

Рэндон тем временем взял с прилавка альвийский выдвижной карандаш и прямо на листочке перфокарты набросал схематичное устройство хитроумной машины.

– Возможно ли это? – усомнился Иннелин.

– Более того, – воодушевился наш мистер Прогресс, – в дальнейшем можно будет поручать этой машине решать аналитические задачи!

– В таком случае, было бы логичнее использовать не двоичную, а троичную логику, – задумчиво сказал альв, глядя на исчерпанную схему. – Для оценки реальных ситуаций было бы полезно кроме однозначных ответов «да» или «нет»

иметь вариант «неизвестно». Да и для вычислительных задач в троичной логике есть ряд преимуществ, если использовать симметричный код: проще представить числа со знаком, легче округлять...

– Ты прав, но будь я проклят, если знаю, как это физически реализовать, – пожал плечами лорд Рэндон. – С двоичной логикой куда проще. У любых физических элементов есть только два устойчивых состояния.

– Кристаллы, мой друг! Очень советую вам обратить внимание на кристаллы.

– Конечно, вы, альвы, на них просто помешаны...

Мужчины заспорили о преимуществах альвийской и механической магии, пересыпая речь специальными терминами, и я сначала понимала их через слово, потом одно слово из трёх, а потом и вовсе утратила нить беседы. Мне стало досадно. А ведь я воображала себя довольно сведущей в вопросах механики! Можно сказать, меня щёлкнули по носу. Вздохнув, я отправилась помогать Пенни.

Когда Рэндон засобирался уходить, я, набравшись смелости, спросила у него:

– Нет ли у вас спецификаций этой счётной машины, милорд? Было бы интересно взглянуть.

Он широко улыбнулся:

– Обязательно найду их для вас, обещаю, – и, слегка поклонившись, добавил вполголоса: – Надо же, я знал много способов заинтересовать девушку, но никогда ещё не прихо-

дилось использовать для этого математику!

Вспыхнув, я отвернулась. Ну что он за человек!

* * *

Вечером я вышла из лавки жутко уставшая, зато довольная. Деревья на улице были словно нарисованы бледно-золотой акварелью, бодрящий воздух охлаждал щёки. Казалось, что мои дела наконец-то пошли на лад. Мне нравилась новая работа, и разбираться в диковинках Иннелина было невероятно интересно. Мой каталог альвийских изобретений толстел на глазах. На днях хокермен снова должен был уехать, а это значило, что я опять останусь в лавке за хозяйку. Пенни была только рада этому, потому что она всё ещё немного стеснялась Иннелина. Она шепнула мне на ухо, что собирается позвать в гости Кэтрин, и мы славно повеселимся втроём! Как говорится, кот из дома – мыши в пляс. Я считала, что лучше Пенни напарницы мне не найти. С детства я привыкла быть сама по себе, но до чего же приятно, когда можно поговорить с кем-нибудь по душам... В моей жизни определённо намечалась светлая полоса.

А на следующий день произошло убийство.

Впоследствии я не раз пыталась восстановить в памяти каждую деталь того страшного дня. Что, если бы я не задержалась в то утро? Если бы Иннелин не уехал? Если бы события сложились по-другому? Могли ли мы это предотвратить?..

Накануне мы договорились с Пенни, что она сама откроет лавку, так как я должна была дожидаться мастера, который обещал почистить камин. Увлёкшись торговлей, я легкомысленно упустила эту проблему из виду, однако с наступлением холодов исправный камин стал необходимым условием для выживания. Несмотря на обещание, мастер и не подумал явиться, поэтому я пришла в лавку на час позже, чем собиралась, причём в отвратительном настроении.

– Пенни?

Внутри было пусто и тихо. Странно, где же она? Несмотря на внешнее легкомыслие, Пенни была ответственной девушкой и ни за что не бросила бы товар без присмотра.

Я прошла по комнате, снимая на ходу шаль, и случайно бросила взгляд за прилавок. Меня приморозило к полу. Пенни лежала там на спине, под её головой на светлом выскобленном полу расплзлась тёмная лужа. Её широко распахнутые глаза смотрели в потолок.

Не помню, как я выскочила на крыльцо. Кажется, я что-

то кричала. Через некоторое время я обнаружила себя сидящей на стуле в подсобке, а невесть откуда взявшийся Иннелин пытался напоить меня водой из стакана. Он был так бледен, что брови на его лице казались угольно-чёрными. В лавке возбуждённо гудели люди. Я узнала голос инспектора Беккера из городской полиции.

– Иннелин, она... – я попыталась взять стакан и отдёрнула руки. Они все были в запекшейся крови.

– Я знаю. Выпей. – От воды пахло какими-то травами. – Станет легче.

– Я хотела ей помочь! – всхлипнула я. – А она...

От одного воспоминания у меня желудок подбросило к горлу. Иннелин ловко подвинул ко мне пустое ведро. Мне было плохо как никогда.

– Её убили, Элизабет, – жёстко сказал он. – Перерезали горло.

Он поставил на стол таз и кувшин с водой.

– Отдохни здесь, пока констебли не закончат осмотр. Приведи себя в порядок. Ты понадобишься мне в лавке, сегодня наверняка будет уйма посетителей. Все захотят сами взглянуть на место преступления.

У меня вырвался истерический смешок:

– Я что, буду торговать вместо Пенни?

Иннелин странно взглянул на меня и вышел. Во мне вспыхнул гнев: как он может думать сейчас о торговле?! Потом я остыла. Он же альв. Может быть, у них другое пред-

ставление о смерти? Кроме того, я всего лишь секретарь, не того полёта птица, чтобы со мной церемониться. Сейчас пороюсь в его лекарственных запасах, накапаю себе пустырника в чашку и выйду, как миленькая.

На то, чтобы вернуть себя в реальность, у меня ушло полчаса. Когда я, умывшись и причесавшись, вышла из подсобки, в лавке уже не было никого из чужих. На страшное тёмное пятно на полу я старалась не смотреть.

Иннелин, оглянувшись на дверь, схватил меня за руку:

– Так, слушай меня. Сейчас пойдут любопытные. Попробуй узнать, кто и где был этим утром. Здесь всё-таки город, а не дремучий лес. Наверняка кто-нибудь что-то видел. Поспрашивай, только аккуратно. Если увидишь, что кто-то нервничает, не настаивай, просто запомни его и потом расскажи мне. Я бы не стал втягивать тебя в это, но придётся. У меня всего одна пара глаз и ушей, к сожалению.

– Ты же не думаешь...

Стоило только представить, что убийство мог совершить кто-то из наших соседей, как к горлу подступила тошнота, и мне страстно захотелось вернуться в подсобку, поближе к тому ведру.

– Просто сделай, что я прошу. Вечером поговорим.

* * *

Этот день тянулся бесконечно, словно тягучий кошмар, от

которого никак не можешь проснуться. Повинуясь просьбе Иннелина, я старалась быть очень внимательной. Некоторые покупатели успели поговорить с констеблем. Кажется, полиция склонялась к версии со случайным грабителем. Иннелин подтвердил, что этим утром из лавки действительно пропали кое-какие ценные вещи. Чудо, что обошлось без крупных потерь – вероятно, грабителя кто-то спугнул. Я не удержалась от удивления: мне-то точно было известно, что все товары на месте! Однако Иннелин чувствительно наступил мне на ногу, и я послушно умолкла, решив отложить этот вопрос до вечера.

Уже стемнело, когда мы наконец-то выпроводили последнего посетителя и заперли дверь. Я сгорбилась в кресле возле камина, Иннелин принёс для нас поднос с чаем. Тёмная опалесцирующая жидкость пахла мёдом, нагретым камнем, солнечным полднем...

– Это специальный сбор, – сказал хокермен с принуждённой улыбкой. – Поможет тебе сегодня заснуть.

Было видно, что он тоже безмерно устал.

– Знаешь, я всегда мечтала выучиться на врача и лечить людей, – ответила я невпопад, обхватив ладонями чашку. Подумала, что мне потребуется литров пять специального альвийского чая, чтобы забыть мёртвые глаза Пенни и зияющую рану на её шее. Нет, даже тогда не смогу забыть.

– До сих пор кажется, что здесь пахнет кровью.

– Это шок, – мягко сказал Иннелин. – Пройдёт.

– Если бы я пришла раньше, – прошептала я то, что мучило меня весь день, – может быть, вдвоём мы смогли бы отбиться! И Пенни была бы жива!

– Не было никакого «случайного грабителя», Элизабет, – отрезал хокермен. – И это не первое подобное убийство в ваших краях.

Я задумалась.

– Ты имеешь в виду тот случай в июле? То убийство в карете?

– И это тоже. После того происшествия мы с Рэндоном и инспектором Беккером прочесали ближний лес с поисковым кристаллом. Нашли два тела. Женщины, обе убиты примерно года два назад. Точнее сказать нельзя. У обеих перерезано горло. Могу поклясться, что это сделал один и тот же человек. И он где-то здесь.

– Он, должно быть, безумен, – прошептала я. В голове не укладывался этот ужас. Мысли лихорадочно метались: кто? Я знала в Илсбери всех с раннего детства, чужаков у нас не водилось, тогда кто же?

– Скорее наоборот – хладнокровный мерзавец. Здесь замешана магия. Недобрая, тёмная магия... Я её чувствую.

У меня озноб прошёл по коже. Я ничего такого не ощущала. Но альву, конечно, было виднее.

– Тогда зачем ты подбросил полиции версию с грабителем?

– Если бы я намекнул, что убийца маг, то первым подо-

зреваемым оказался бы я сам. Все так думают: альв – значит, маг. Пусть полиция проводит обычные сыскные действия, ищет кого-то, кто этим утром болтался неподалёку от лавки, пусть опрашивает свидетелей. Никто не сделает этого лучше них. А мы тем временем будем искать другое.

– Магия – и убийства? Какой-нибудь ритуал? – У меня забрезжила догадка. – Подожди-ка, твой амулет! Кража амулета может иметь отношение к делу?

– Боюсь, что да, – понуро ответил Иннелин. – Элизабет, мне давно следовало с тобой поговорить. Надеюсь, и сейчас ещё не поздно. Я предполагаю, что убийца надеялся найти у нас в лавке вот это.

Он положил на прилавок две книги – два старых потрёпанных фолианта, переплетённых в кожу, с медными застёжками. Я осторожно открыла одну, перелистнула несколько ветхих страниц, испещрённых рукописной вязью. Да, это была очень старая книга. Древняя, как сама вечность. Некоторые страницы были переложены листочками бумаги, имевшими куда более современный вид. Все листочки были исписаны пометками. Я взяла один – и глазам не поверила. Это был почерк моего отца!

– Эти трактаты по магии мистер Гордон передал мне незадолго до своей смерти. Он сказал что-то вроде: «некоторое знание, если прокричать его на площади, может привести за собой большое зло». Твой отец хотел отдать мне ещё какие-то материалы, но после его смерти я ничего не нашёл.

Помнишь ли ты что-нибудь об этом? Кто-нибудь навещал его во время болезни? О чём они говорили?

У меня зануло сердце. Я не любила вспоминать о своём детстве. Мама вышла за отца против воли семьи, дед прочил ей гораздо более выгодную партию. Маму он так и не простил. Иногда я думала, чем же папа так пленил мою аристократичную мать? Он был добрым, весёлым человеком с буйными рыжими кудрями и всегда неожиданными идеями, со своей знаменитой эксцентричностью и сорочьей коллекцией книг.

– Твой отец был учёным?

– О нет! – возразила я. – Он даже не закончил Университет. Зато многие молодые люди, вхожие к нам в дом, потом в этот Университет поступили. Папа был энтузиастом, великим популяризатором науки. Он всегда чем-нибудь увлекался. Полгода пытался доказать какую-то математическую гипотезу. Потом вдруг занялся археологией и древними языками, изучал кельтбер и годейль, чуть не утащил маму на раскопки в Пустоши, но она вовремя сообщила, что беременна. Раскопки тут же были забыты, так как один он бы никуда не поехал. Они с мамой не могли расстаться даже на неделю. Они были очень счастливы, – прошептала я, – вернее, мы троём были очень счастливы.

– А потом случилась та эпидемия, да? Тиф...

– Незадолго до этого мы сняли дом в Илсбери. Думаю, отец надеялся, что мама помирится с родственниками. Он

видел, как тяжело она переживала разрыв. Но отношения с нами поддерживала только тётя Роуз, мамина старшая сестра. Дедушка нас и знать не хотел.

– Когда люди начали заболеть один за другим, папа всем старался помочь. Он советовал держать больного в постели, побольше поить и давать только лёгкую пищу, а лучше молоко. По его совету мы окуривали комнаты чёрным дёгтем, жевали ирный корень... Думаю, это помогло, ведь почти никто из наших не заболел, кроме самого папы. Мама пережила его всего на полгода.

«И в те полгода она была похожа на тень, – подумала я. – Ничто её не интересовало. Даже я».

– К вам приходил кто-нибудь незадолго до смерти мистера Гордона?

– Мало кто. Папин нотариус, например. Но он точно не стал бы вести беседы о магии. Из всех разновидностей волшебства его интересовала разве что магия денег, – усмехнулась я.

– Доктор Джонс заходил, конечно же. В тот год мы не очень-то соблюдали правила вежливости насчёт визитов. Все боялись заразиться. Был ещё кто-то, – пробормотала я, морща лоб в усилиях вспомнить.

– Не спеши, Элизабет.

Иннелин взял меня за руку. Его тёмные глаза смотрели прямо в мои, притягивая, завораживая...

– Ты всё вспомнишь, не бойся. Тебе восемь лет, и тебя

не особенно интересуют дела и беседы взрослых... Что ты видишь?

– Я сижу на кушетке в коридоре. Меня никто не замечает, все заняты. Когда папа заболел, он запретил нам входить к нему в комнату. Я по нему скучаю, поэтому подбираюсь ближе и прислушиваюсь, что он там делает. Иногда он вслух комментирует прочитанное, иногда – очень редко – у него бывают посетители. Вот опять кто-то идёт... Какая-то леди...

– Женщина? Ты уверена? – насторожился Иннелин.

– Я помню её платье. Юбки прошелестели мимо меня – скользкий, шуршащий шёлк. Это кто-то из папиных знакомых. Она здороваётся, он называет её по имени. Да, их разговор касается магии... и книг. Она говорит: «Я надеюсь, мы скоро это уладим». Это была миссис Скорп! – вздрогнула я, словно очнувшись.

– Ты уверена?

– Она была в шёлковом платье. Больше никто из наших дам не носит шёлковых платьев для визитов – это непрактично. А миссис Скорп любила шёлк. Наши горничные болтали, что у неё даже ночные рубашки шёлковые, что уж совсем неподобающе для леди! Выпалив это, я тут же смутилась. Боже, что я несу! Это всё альвийское чародейство, однозначно.

– Как опасно, оказывается, иметь горничных, – пробормотал Иннелин. – А ещё что-нибудь помнишь?

– Да, отец назвал её «мисс Эвелин». Но важно не это...

Внезапно мне стало жутко. Ночная темнота, очерченная кругом лампы, показалась настороженной и опасной.

– Миссис Эвелин Скорп умерла два года назад.

Глава 7

– Жизнь – это бесценный дар Господа, – произнёс преподобный мистер Брандт, глава нашего прихода.

На похоронах Пенни собрались почти все, девушку в городе любили. Пока священник произносил положенные слова, мы стояли, подавленные, под мелко морозящим дождём. Начало октября запомнилось мне сплошной синевой и золотом, но со вчерашнего дня погода испортилась: небо затянуло хмарью, и ветер бесцельно гонял по нему серые клочья облаков. Как будто даже солнце в своей печали отвернулось от нас. Мы стояли тихо, только негромко причитала мать Пенни, поддерживаемая двумя подругами. Слева от неё нерешительно сбились в стайку юные девушки, похожие на ласточек в своих тёмных платьях. Питер Уэст, жених Пенни, старался сохранить лицо, однако его брови страдальчески хмурились, а руки в карманах сами собой сжимались в кулаки. Мистер Беккер, инспектор полиции, держался в задних рядах, изредка бросая на нас изучающие острые взгляды.

Иннелин стоял чуть в стороне, резкий и чужой, похожий на тонкий смертоносный клинок. Я старалась держаться к нему поближе. Люди аккуратно обходили нас стороной, робко кивая хокермену. Мне приветствий не доставалось, как будто магия альва сделала меня невидимой. Впрочем, сейчас меня меньше всего волновало всеобщее отчуждение. Горло

словно стянуло обручем, душила несправедливость. Этого не должно было случиться! Пенни, такая молодая, такая хорошенькая, полная жизни – и эти похороны, крышка гроба над маленьким восковым лицом, точный разрез могилы в красноватой глине.

– ...Истинно говорю вам: простятся человеку все грехи его. Все его грехи, – со значением произнёс священник.

В книгах часто изображали, как убийца, не выдержав угрызений совести, с воплями кидался на гроб и признавался в содеянном. Сегодня ничего такого не произошло. Если некто и пришёл полюбоваться на дело своих рук, он ничем себя не выдал. Может быть, поэтому мы все опасались смотреть друг другу в глаза. Боялись увидеть чудовище среди знакомых лиц.

* * *

Несколько дней после похорон я не могла найти себе места. Обычно хорошая прогулка в лесу помогала восстановить душевное равновесие, но не в этот раз. Странно, что всего лишь несколько дней назад осенняя природа казалась мне безмятежной и сонной. Сейчас лес, казалось, пылал протестующим пламенем, а вон то дуплистое дерево будто замерло в немом крике, протягивая к небу изломанные ветви. Тропинка вывела меня к реке. Неподаляку, на излучине, виднелись развалины заброшенной мельницы. За деревьями

мелькнула чья-то чёрная тень. Не успев испугаться всерьёз, я узнала мистера Скорпа. Его сопровождали двое людей, похожие на охранников.

По городу ходили слухи, что наш мэр после того июльского убийства потихоньку начал окружать себя охраной и отныне появлялся на людях только в сопровождении крепких молодых ребят. С лёгкой руки Кэтрин мы прозвали их «скорпионами». Было видно, что парням нравилась эта работа, и к делу они относились серьёзно.

– Лучше бы вам не гулять в одиночестве, мисс Гордон, – посоветовал мэр. – К сожалению, мы все должны подчиняться обстоятельствам и соблюдать осторожность. Надеюсь, что это ненадолго.

В его голосе слышалась досада, что какой-то убийца осмелился нарушить образцовый порядок в Илсбери. Мы пошли рядом, мистер Скорп держался чуть впереди.

– Я всегда прихожу к реке, когда на душе беспокойно, – попробовала я объяснить. – Глядя на течение воды, легче представить, что все наши беды преходящи...

– Мне тоже нравятся эти места. Я прихожу сюда, когда вспоминаю Эвелин.

– Примите мои соболезнования, – сказала я неловко.

В тот год, когда умерла миссис Скорп, я ещё была в пансионе. Смутно помню опечаленную тётю Роуз в тёмном бомбазиновом платье, но само событие начисто изгладилось из моей памяти.

– Ваша жена была больна?

– Она утонула. Как раз в этих местах. Вероятно, у неё закружилась голова, и она упала в реку. Так что, как видите, мисс, одинокие прогулки могут быть опасны.

– Это ужасно, – пробормотала я. Голова шла кругом от теснившихся в ней противоречивых мыслей.

Некоторое время мы шли молча. Телохранители Скорпа держались в отдалении, но следовали за нами неотступно. Я заметила, что мой собеседник сжимает в руке старинные чётки из матово-коричневого камня.

– Какие красивые! – восхитилась я. – Можно взглянуть?

Мне хотелось перевести беседу в более приятное русло. Пожилой джентльмен так очевидно тосковал о покойной жене, что было бы бестактно растревлять эту рану. Мистер Скорп не доверил мне взять ценный сувенир в руки, но позволил его рассмотреть. Я заметила, что четыре бусины мягко светились. И ещё от чёток ощутимо тянуло магией. Не знаю, как мне удалось это почувствовать. Может быть, работа у Иннелина обострила моё восприятие? Мистер Скорп, казалось, смутился.

– Они остались мне от жены, и я привык носить их с собой. Знаете, мне до сих пор её не хватает, – сказал он с неловкостью человека, не привыкшего к откровенности.

«Да, Элизабет, ты мастер светской беседы!»

К счастью, дальше наши пути разошлись: мистер Скорп направлялся в город, а я хотела навестить могилу Пенни.

В лесу я безжалостно обломала куст рябины и теперь несла пышный букет из пунцовых ягод. Пенни он бы понравился, она любила яркие краски.

На кладбище было безлюдно, свежую могилу девушки украшал букет белых хризантем. Я осторожно положила рядом свой, затем убрала опавшие листья. Рядом на ветку боярышника приземлилась шустрая синица, присмотрелась к ягодам, клюнула раз-другой и улетела. Вдруг вспомнилось, как Пенни пыталась вывести хоть одну трель на альвийской свирели. Как же мы тогда хохотали! Я сидела в каком-то оцепенении и вспоминала. Пенни, заплетающая Кэтрин косы... Пенни, восторженно обнимающая Демьюра: «Какой красавец! Молоко любишь?» Пенни...

– Мисс Гордон?

Я обернулась. Ко мне по тропинке направлялся преподобный мистер Брандт.

– Красивые цветы, – сказала я, показывая на хризантемы.

– Их принёс мистер Хардман. Он был здесь утром.

Я удивилась.

– Кажется, он работает садовником у миссис Шарп? Разве они с Пенни были друзьями? – В моём мозгу зашевелились смутные подозрения. Что за дело какому-то садовнику до нашей Пенни?

– Мистер Хардман – глубоко несчастный человек. Похоже, в его прошлом было много страданий. Как это ни печально, он не может даже облегчить душу исповедью по при-

чине умственного недуга: в минуты волнения он неспособен внятно говорить и выражать свои мысли. Однако я готов признать, что в садоводстве ему нету равных! Он дал мне несколько чрезвычайно полезных советов относительно моих яблонь. Кстати, вы знаете, что наш знаменитый сад в Блэкуотере, в поместье Скорпов, был спроектирован Хардманом? В то время он работал садовником у мисс Эвелин. Когда она умерла, он перешел на работу к миссис Шарп. Мистер Скорп, к сожалению, совсем не интересуется садом. Впрочем, полагаю, что и вам это не очень интересно, – улыбнулся мистер Брандт, глядя на меня добрыми голубыми глазами. – Знаете, иногда люди, одержимые прошлыми горестями, находят облегчение в посещении кладбищ. Для них это вроде терапии. Поэтому я стараюсь ему не мешать.

Я кивнула, думая о своём. Кажется, мне не мешало бы встретиться с этим загадочным мистером Хардманом.

* * *

На ловца, как известно, и зверь бежит. Спустя несколько дней, повстречав в лавке миссис Шарп, я внезапно получила от неё любезную улыбку и приглашение на чай. Это было поистине удивительно! В отношении меня миссис Шарп всегда была язвительней прочих. Неужели несчастье с Пенни смягчило её чопорный нрав? Разумеется, я с благодарностью согласилась и ровно в пять часов постучалась в калитку.

К дому вела аккуратная дорожка, обсаженная кустами, которые были подстрижены в форме шахматных фигур. Чувствовалась рука искусного мастера. Я миновала куст в виде коня с лебединой изогнутой шеей, прошла мимо стройной башни-ладьи и поднялась на крыльцо.

Миссис Шарп в практичном твидовом платье, отделанном широкой тесьмой, восседала возле накрытого стола как олицетворение благочинности. Я похвалила её камею, а старая дама добродушно предложила мне отведать чаю и гренок с маслом.

Пока она разливала чай в тоненькие белые чашки, я осмотрелась. Гостиная миссис Шарп походила на изящную шкатулку, набитую безделушками; их было, пожалуй, даже слишком много. Вся мебель была благопристойно задрапирована тканью. Обивка моего кресла на первый взгляд казалась шёлковой, но, проведя ладонью, я поняла, что она сделана из ситца, пропитанного специальным составом. Очевидно, миссис Шарп была не прочь пустить пыль в глаза своим друзьям и знакомым.

Кроме чая, пожилая леди предложила стаканчик хереса, «чтобы согреться в такую погоду». Я хотела было отказаться – не люблю херес – но потом подумала, что алкоголь быстрее сможет развязать ей язык. Пришлось согласиться.

После первых пяти минут, в течение которых мы обменялись стандартными любезностями, наша беседа стала напоминать мягкое перетягивание каната. Миссис Шарп живо

интересовалась моими взаимоотношениями с Иннелином, я же пыталась перевести разговор на тему садоводства вообще и мистера Хардмана в частности.

– Девочка моя, я помню ещё твою мать, она была такой очаровательной леди! Кому же, как не мне тебя предостеречь!

Наклонившись ближе, миссис Шарп заговорщицки прошептала:

– Советую всегда держать при себе безопасную булавку, лучше железную, и ежели этот хокермен вздумает... хм, воспользоваться обстоятельствами, ты его – булавкой, булавкой! Альвы железа не любят.

Я не знала, смеяться мне или плакать. Думаю, такая реакция девушки на ухаживания у любого джентльмена отбила бы охоту, не только у альва!

– Поверьте, миссис Шарп, мистер Иннелин никогда не давал мне повода задуматься о подобных предосторожностях.

– Дорогая, но ведь все знают, что ни одна женщина не сможет противиться альву!

Хихиканье почтенной дамы я отнесла на счёт действия хереса.

Внезапный приступ добросердечия миссис Шарп получил объяснение. Она позвала меня, чтобы вдоволь посплетничать об Иннелине, а заодно выспросить подробности случившейся трагедии. Я заметила, что кроме меня, сегодня на чай больше никого не пригласили. Миссис Шарп не хотела себя

скомпрометировать. Её нескромные расспросы об Иннелине меня порядком смутили. Боже, надеюсь, она не рассчитывает узнать, каков он в постели? Неужели в городе меня считают падшей женщиной?!

Разумеется, я могла извиниться и уйти, но в интересах дела приходилось сдерживаться. Выразив своё восхищение садом (кстати, вполне искреннее), я ещё раз попыталась расспросить о мистере Хардмане.

– О, его невозможно заполучить, мне просто повезло! – воскликнула раздурманенная дама. – Все считают, что Хардман ушёл от Скорпа, так как тот не мог должным образом оценить его работу, но мне кажется, что здесь что-то нечисто.

Миссис Шарп улыбнулась, засияв от предвкушения изложить новую сплетню:

– Сразу после приезда сюда Хардман жаловался на кошмары. Он спал со светом, хотя я не одобряю такое расточительство, почти не мог говорить – в общем, налицо было какое-то ужасное потрясение! Мне пришлось поселить его в отдельном флигеле, стоящем в саду. Не будь я так уверена в бедняжке Эвелин, то подумала бы, что их с Хардманом связывали не только рабочие отношения.

Очевидно, изощренный ум миссис Шарп не мог представить, чтобы у двух людей были ещё какие-либо дела, кроме любовных. У меня возникло другое подозрение: что, если мисс Эвелин и её садовник были сообщниками? Дей-

ствительно ли она умерла? Вдруг ей просто понадобилось скрыться? Может, Хардман помог ей? Что, если он – добровольно или под принуждением – помогает ей до сих пор?

Я заранее придумала повод для беседы с загадочным садовником и сейчас, сделав робкое выражение лица, сказала.

– Моя тётя фанатично увлекается цветами, но ей никак не удаются клематисы. Какие только сорта мы ни пробовали, все чахнут через два месяца! Я была бы бесконечно признательна вам и мистеру Хардману, если бы он смог уделить мне минуточку для консультации...

– О, конечно, конечно, дорогая! – замахала руками миссис Шарп. – Право, это такая мелочь! Не стоит благодарности.

Хозяйка была так любезна, что даже не стала сопровождать меня в сад, вдруг почувствовав настоятельную необходимость немного отдохнуть. Это всё херес. Мы расстались с изъяслениями взаимной вежливости.

Мне повезло застать Хардмана на рабочем месте. Это был рослый, крепкий человек средних лет с грубоватым лицом, равно привыкшим и к палящему солнцу, и к холоду. Он калечил ножницами очередной куст, вырезая ферзя. Королеву. Подходя ближе, я мучительно раздумывала, как начать разговор. А, к чёрту всё! Спрошу прямо. Надоело ходить вокруг да около.

– Мистер Хардман, я знаю, что раньше вы работали у Скорпов. Вы помните мисс Эвелин? Какая она была?

В ответ – молчание, прерываемое только щёлканьем садо-

вых ножниц. Хардман будто хотел что-то сказать, но потом насупился и молча продолжил работу. Вид этого угрюмого, заросшего мужчины с большими острыми ножницами в руках вызывал смутные опасения. Я отступила за куст, но сдаваться не собиралась.

– Мистер Хардман!

– Зло всё равно настигнет тебя, – пробормотал он, зыркнув на меня из-под нависших бровей. Я замерла.

– От него не сбежишь, не отгородишься молитвой... Оно уже здесь!

Садовник несколько раз резко взмахнул ножницами, потом бросил их наземь и ушёл прочь дёрганой, раскачивающейся походкой. А я так и осталась стоять как столб рядом с обезглавленной королевой.

* * *

В лавку я влетела словно на крыльях. К счастью, Иннелин был на месте, а то с меня стало бы отправиться разыскивать его по городу. Меня просто распирало от желания поделиться новой информацией.

– Иннелин! Как хорошо, что вы здесь. Я кое-что нашла.

Альв странно посмотрел на меня и, кажется, даже принюхался.

– Вы пили, Элизабет? – его тону могла бы позавидовать тётя Роуз.

– Чего только не сделаешь для дела. Да вы послушайте!

Иннелин невозмутимо достал свою «лекарскую» сумку, налил в стакан воды и растворил в ней какой-то порошок.

– Выпейте это.

Я залпом осушила стакан, только сейчас осознав, что меня действительно мучила жажда.

– Мистер Хардман, садовник, раньше работал у миссис Скорп. Однако он не может ничего рассказать о том времени, только бормочет какую-то нелепицу о всепроникающем зле. Мисс Эвелин интересовалась колдовством. У её мужа, нашего мэра, остались её чётки – вам бы взглянуть на них. От них просто фонит магией! Я не говорю уже, что сам вдовец за последние два года усох, как треска на солнце. А главное, он сказал мне, что его жена утонула!

– Ну и что с того? Несчастья случаются.

– Да, но утопление легко инсценировать. Я специально вернула сейчас на кладбище. Миссис Скорп умерла два года назад – в июле! В июле, понимаете?

– Пока не очень.

Я выдохнула. Конечно, он же не жил здесь. Для меня несообразность сразу бросалась в глаза.

– Летом в нашей речушке невозможно утонуть. Она же почти пересыхает! Я понимаю, если бы дожди лили непрерывно целый месяц, но в то лето ничего подобного не было. Оно было совершенно обычным. Солнечным.

Иннелин задумчиво побарабанил пальцами по столешни-

це:

– То есть вы предполагаете, что миссис Скорп ведёт весьма насыщенную загробную жизнь?

– И у неё наверняка есть сообщник!

Трудно было представить изящную леди в роли мясника. Зато на роль колдуньи и идейной вдохновительницы она подходила прекрасно.

– Это очень интересно, – воодушевился Иннелин. – Проще всего, конечно, расспросить мистера Скорпа, но вы к нему лучше не суйтесь. Мы с Рэндоном сами разберёмся. Это очень ценные сведения, Элизабет!

Против воли моё лицо расплылось в победной улыбке. Я и не думала пытаться выведать что-то у Скорпа. Насколько я успела понять, для него было жизненно важно не потерять лицо, сохранить видимость приличий. Если он и подозревал в чём-то свою супругу, вытащить из него эти сведения мне не удастся. Но ничего, у меня найдутся другие источники информации, будьте спокойны!

Глава 8

Мои долгие прогулки на свежем воздухе возымели неприятные последствия: я заболела. У меня ломило виски и саднило горло – верные признаки надвигающейся простуды. Моя шаль была слишком тонкой для холодов, и я от души побранила себя, что не позаботилась заранее о тёплой одежде. Ничего, с первого же жалованья куплю нормальное пальто. Ну что я за человек! Всё делаю в последний момент. Позавчера я так расчихалась в лавке, что Иннелин выдал мне какие-то порошки и отправил домой без разговоров. Даже наш сиятельный столичный лорд проявил сочувствие. Мне ужасно не хотелось уходить, так как Рэндон с Иннелином явно собирались что-то обсудить, но делать нечего, сама была виновата. Сегодня я опять притащилась в лавку. Во-первых, Иннелин снова уехал, без него лавку пришлось бы закрыть, а что, если к нам кто-нибудь заглянет? Вдруг этот «кто-то» обладает ценными сведениями, и они пройдут мимо нас? Надо бы ещё в полицию заглянуть, кстати, за неделю они должны были что-нибудь раскопать. Во-вторых, в лавке было теплее, чем дома. Камин пока так и не починили. Чтобы не вздрагивать от страха при каждом шорохе, я взяла с собой Демьюра.

Посетителей не было, видимо, в этот серый дождливый день все жители Илсбери предпочли домашние развлечения. Мы с котом сидели у окна. Демьюр безмятежно дрых, свесив

хвост с подоконника, я же пила горячий отвар и грустила по Пенни, глядя на капли, уныло ползущие по стеклу.

Наконец, нежный звон колокольчика оповестил нас о госте. Им оказался Рэндон в промокшем плаще и с каким-то большим свёртком подмышкой.

Узнав, что Иннелин ещё не вернулся, наш лорд не отправился восвояси, как я втайне надеялась, а по-хозяйски разложил плащ для просушки и уселся возле камина, изредка посматривая на меня. Повисло неловкое молчание. Демьюр вдруг восстал ото сна, важно прошелся по комнате и запрыгнул на колени к гостю. Мне это не понравилось. Ну, предатель рыжий, получишь ты у меня сегодня вкусенького, держи карман!

– Я принёс вам документы, касающиеся счётно-аналитической машины, – соизволил объяснить своё присутствие Рэндон.

Я вежливо поблагодарила. Прекрасно, хоть будет чем развлечься. Последние несколько вечеров я честно пыталась разобраться в содержании тех инкунабул, которые принёс мне Иннелин. Сказать по правде, от регулярных ныряний в дебри древней магии меня уже мутило.

– Я всё думал о применении трехзначной логики для наших целей, Иннелин тогда дело говорил. Например, если попарно объединить двузначные управляющие сигналы... – Казалось, Рэндон рассуждал сам с собой. – Правда, здесь возникает ряд вопросов... Жаль, что некогда как следует всё

обдумать, постоянно что-то отвлекает!

Да, я догадывалась, *что* его отвлекало. Вернее, не что, а кто.

– Как поживает мисс Лейн? – спросила я не без ехидства.

– Какая мисс... А, та весёлая девушка из большого поместья? Прекрасно. Я, признаться, не ожидал, что в вашем тихом городке кипит такая бурная светская жизнь! От двух приемов я еле отговорился делами, ещё от одного – плохим самочувствием, так что теперь позорно скрываюсь от их честной компании. Мисс Гордон, мне кажется, в нашу первую встречу между нами возникло недоразумение. Вы за что-то сердитесь на меня?

Признаться, я не ожидала от него такой откровенности, но считала себя в своём праве.

– Ну, знаете! После того, как вы попытались нахально сманить меня в столицу, в это гнездо порока...

– Минутку, – было видно, что моё высказывание его задело, – минутку, подождите. Вообще-то в Спленфилде, кроме пороков (этого добра там, конечно, хватает) гнездится ещё несколько колледжей, в один из которых недавно начали принимать и леди, а мои рекомендации могли бы обеспечить вам...

– Почему же вы не рискнули предложить мисс Лейн преимущества образования и переезда в столицу?

– Осмелюсь заметить, мисс Лейн прекрасно чувствует себя на своём месте. Собственно, она и этот городок подходят

друг другу как нельзя лучше, чего не скажешь о вас. А вы... Вместо того, чтобы использовать подвернувшуюся возможность, вы вообразили себе невесть что и обиделись. Я понимаю, что вам было бы неловко принять такую услугу, скажем, от мистера Колтона, из-за пересудов соседей, но от меня вы можете принять любую помощь! Мой статус представителя высшей власти и само моё положение защитят вас от сплетен!

Упоминание мистера Колтона ещё больше меня рассердило. Откуда, интересно, наш приезжий лорд знает о моей расстроившейся помолвке? Что, кто-то из соседей успел почесать языком? Ох, дьявол их побори вместе с этим умником, снизошедшим, видите ли, до нашего дремучего общества! Теперь я прекрасно понимала его мотивы. Но от этого было ещё обиднее.

Я вдруг «возбухла», как выразилась бы Кэтрин:

– Другими словами, я могу не бояться сплетен, потому что человек ваших достоинств и положения никогда не взглянет на существо вроде меня как на женщину? – мягко спросила я. – Так?

Судя по тому, как дёрнулось его лицо, эта формулировка не пришлась Рэндону по душе, но меня уже несло:

– Вы! Вы самый высокомерный, самодовольный... Да я не согласилась бы стать даже вашей женой, предложи вы мне это! Не говоря уже об иных отношениях!

– Неужели? – прищурился Рэндон. – То есть, вы отказа-

лись бы от чести для своей семьи, от всех преимуществ, которые даёт знатное положение и богатство, только ради того, чтобы потешить свою гордыню? В таком случае вы просто глупы!

– А по-вашему, очень умно разделить жизнь с человеком, который ни в грош тебя не ставит, который относится к твоим чувствам без малейшего уважения, да и остальных людей считает только пешками на своей шахматной доске!

Выговорившись, мы оба немного сбавили темп и притихли.

– Что ж, – сказал Рэндон, – тогда остаётся только порадоваться...

Но чему он там собрался радоваться, я не успела услышать. Входная дверь вдруг распахнулась, впустив запыхавшегося хокермена.

– Простите, я задержался. Элизабет, принимай подарок!

С этими словами он сгрузил мне на руки пальто из толстой синей шерсти, отороченное рыжим мехом. Я растерялась.

– Спасибо, но я не могу это принять!

Ни одна леди не примет в подарок одежду от постороннего джентльмена! Иннелин, наверное, просто этого не знал.

– Не вредничай, подруга, ты нужна мне живой и здоровой.

С этими словами альв бесцеремонно впихнул меня в пальто и развернул к стоявшему в углу старинному зеркалу.

– Тебе дивно идёт этот цвет, – сказал он с интонациями опытного продавца, – а какая ткань, ты только потрогай!

– Иннелин, я...

– Если не можешь принять его в подарок, я вычту его стоимость из твоего следующего жалованья, но мёрзнуть ты больше не будешь.

– Мне, право, неловко прерывать этот содержательный разговор, – вмешался Рэндон, про которого мы оба немного забыли. – Иннелин, когда освободишься, я жду тебя на том же месте, что и в прошлый раз.

И этот образчик высокомерия с достоинством удалился, забыв у камина свой плащ, но зато прихватив с собой свёрток.

Спрашивается, зачем он вообще приходил?

* * *

Сегодня явно был не мой день. Когда Иннелин умчался на встречу с Рэндоном, к нам заглянул инспектор полиции мистер Беккер. В первый момент я обрадовалась, увидев в дверях его высокую фигуру в сером пальто. Его визит избавлял меня от необходимости идти в участок, что в моём простуженном состоянии было сложно осуществить. Но вскоре стало понятно, что инспектор вовсе не собирался делиться со мной своими находками, а его настойчивые вопросы постепенно довели меня до лёгкой паники.

У мистера Беккера день тоже не задался. Дело об убийстве Пенни Уорд вымотало ему все нервы. Поначалу он корил се-

бя за то, что в азарте погони за извергом-убийцей забывал о сочувствии к погибшей девушке. Беккер всегда считал, что в Илсбери хорошему инспектору негде себя проявить: здесь отроду не случилось преступлений серьёзнее, чем кража козы у соседа. И вдруг – такое дело! Мечта любого сыщика!

Дело оказалось тухлым. Пятеро свидетелей уверенно описали человека, замеченного ими возле лавки в то злосчастное утро. Беда в том, что их показания абсолютно не совпадали. Один описывал высокого верзилу в тёмном плаще, другой – невысокого толстяка в коричневом сюртуке. Пятый вообще настаивал на том, что человек был женщиной, более того – обеспеченной дамой. Где это видано, чтобы леди утром разгуливала по городу одна, без компаньонки? Хуже того, в дело замешался альв, при одном упоминании о котором местные дамы закатывали глаза и принимались кудахтать что-то невнятное, никак не годное для занесения в протокол. И, как будто мало было проблем, рядом крутился ещё некий верховный лорд, шпунт ему в печёнку. А в довершение всего – эта вздорная рыжая девчонка, которая была как-то связана с ними обоими. Стоит, понимаешь, улыбается невинно через прилавок. Инспектор грозно нахмурился.

* * *

Первые несколько вопросов мистера Беккера меня не насторожили. В конце концов, именно я нашла Пенни. В смыс-

ле... тело. Но затем разговор свернул куда-то не туда.

– Довольно сложно разобраться в преступлении, если в нём замешан альв, – осторожно начал инспектор. – Не оказывал ли мистер Иннелин каких-либо знаков внимания мисс Пенни Уорд в вашем присутствии?

– Нет, – чётко ответила я, – мистер Иннелин всегда держал себя с нами предельно корректно, и Пенни – очень скромная девушка.

– Не случилось ли у вас ссор с мисс Уорд из-за мистера Иннелина?

– Нет!

– Что вам известно о личной жизни этой девушки?

– Я такими сведениями не располагаю.

– Связаны ли вы обязательством с каким-либо джентльменом?

– Мистер Беккер!

– Хорошо, я спрошу прямо. Вы являетесь любовницей мистера Иннелина?

Мы замерли перед прилавком, каждый со своей стороны. Беккер яростно буравил меня своими цепкими глазками. Несомненно, в его глазах я уже была преступницей, сначала поправшей общественную мораль, а под конец опустившейся до убийства. Из всех несправедливостей, с которыми мне пришлось столкнуться в последнее время, эта была самой худшей! И я понятия не имела, как его разубедить! От растерянности и злости у меня зашумело в ушах.

К счастью, в этот момент вернулся Иннелин и уже во второй раз за сегодня спас меня от неприятного разговора. Он вежливо, но непреклонно проводил инспектора за порог. На этом моё сотрудничество с полицией завершилось. В участок я так и не осмелилась заглянуть, мистер Беккер у нас тоже больше не появлялся.

* * *

Домой в тот день я добралась уже поздним вечером, продрогшая, голодная и злая, как сто тысяч чертей. В темноте я пару раз провалилась ногой в лужу, и даже новое пальто не могло полностью защитить меня от ледяного пронизывающего ветра. Представляю, что со мной было бы в старенькой шали! Только доброта или предусмотрительность Иннелина спасла меня от воспаления лёгких, а нашу торговлю – от вынужденного простоя. С огромным облегчением я захлопнула наконец за собой дверь своей квартиры. Сил не осталось даже на то, чтобы собрать себе ужин. К моему изумлению, на столе меня ждал поднос с горячим чаем и свежие булки. В камине, который я уже отчаялась когда-нибудь увидеть исправным, плясал огонь. Я удивилась. С миссис Хиггис приключился вдруг приступ милосердия? Уж не собирается ли она повесить квартплату?

Обратив свой взгляд, а потом и зуб на булки, я не сразу заметила лежащий на кровати свёрток – точь-в-точь такой же,

какой приносил сегодня лорд Рэндон. Интересно... Неужели он приходил сюда? Если свёрток предназначался мне, почему бы не отдать его прямо в лавке? Что за секреты? Под свёртком обнаружилась записка: «Я вовсе не считаю моих людей пешками. Примите это хотя бы как знак моей заботы. Р.»

Я с раздражением развернула упаковку и ахнула. Внутри оказалась длинная теплая накидка с капюшоном. Мягкие бархатно-черные складки пушистого меха растеклись по кровати. Я осторожно погладила их ладонью, набросила мантию на плечи. Невероятные ощущения! Мех обнимал меня нежнее любовника (насчет любовника я, конечно, теоретически предполагаю), шуршал на ухо что-то ободряющее. Было удивительно хорошо и в то же время ужасно грустно. Вот он, типичный подарок столичного аристократа – прекрасный, дорогущий и... бестолковый. Не спорю, Рэндон – широкой души человек, но он совершенно не способен взглянуть на жизнь с чужой точки зрения. Куда я такую красоту надену? Эта вещь настолько не соответствует моему статусу, что меня просто засмеют. Нет, сплетничать не будут, тут он мне всё чётко объяснил. Чтобы блистательный лорд Рэндон, которого ждут не дождутся самые распрекрасные невесты в Сплэнфилде, вдруг увлётся какой-то мисс Гордон? Это не сплетня, это анекдот.

Задремавший было в кресле Демьюр при виде накидки оживился, обошел вокруг меня и что-то одобрительно мурк-

нул.

– Нет, дружище, эта вещь не про нас, – вздохнула я, с сожалением убирая меховое чудо в шкаф. – Придётся вернуть.

Я легла в постель, но заснуть никак не удавалось. Выступившая комната ещё не прогрелась, так что я настроилась провести ещё одну ночь, стуча зубами от холода. Попыталась с головой зарыться в тощее одеяло – не помогло. Прикроватный полог тоже не спасал, его древняя ткань была такой тонкой, что местами даже просвечивала. Промучившись с полчаса, я решительно встала, распахнула шкаф и достала подарок обратно. Под покрывалом из диковинного меха я заснула почти мгновенно, успев ещё подумать: пусть пальто хоть так мне послужит, пока я его не верну! И снилось мне что-то чудесное.

* * *

Справедливости ради должна сказать, что я нечасто допоздна задерживалась на работе. В основном мои вечера проходили довольно однообразно. Каждый раз, спровадив разговорчивую миссис Хиггис, я усаживалась за стол, зажигала лампу и со вздохом придвигала к себе осточертевшие фолианты. Мы с Иннелином надеялись найти в них хоть что-нибудь, объясняющее поведение Чернокнижника, как мы между собой прозвали убийцу. Надо же было как-то его называть.

За неделю упорных изысканий мне удалось извлечь из книг следующую информацию. Во-первых, обе они были написаны на кельтбере, с редкими вкраплениями на другом языке, возможно, ещё более старом. Во-вторых, одна книга содержала обзор магических учений с самой ветхозаветной древности, другая же походила на сборник местных легенд. На этом дело застопорилось.

Меня всегда привлекали иностранные языки, но у меня было мало возможностей их изучить. Самостоятельно по книгам такое не освоишь. С древними языками дело обстояло ещё сложнее. Кельтбер имеет кое-что общее с *sermo vulgaris*, так называемой вульгарной латынью, мне же в пансионе удалось более-менее овладеть латынью классической, которая к *vulgaris* имеет только косвенное отношение. В общем, сами понимаете, как мало шансов у меня было понять что-то в древних манускриптах.

В конце концов, я решила сосредоточиться не на самих книгах, а на папиных комментариях к ним. Конечно, разобраться в папином почерке и системе сокращений – та ещё задачка, здесь нужен талант дешифровщика, но всё-таки это было более реально, чем пытаться прочесть каракули древнего хрониста.

Поначалу я выискивала в заметках нужные нам сведения, однако вскоре увлеклась и стала читать всё подряд. Иногда папины заметки носили отвлечённый характер: «...Приходится согласиться, что магия утрачивает своё значение в на-

шем мире, и её присутствие всё менее заметно. Фэйри давно удалились в свой тонкий мир, а в настоящее время мы наблюдаем отступление альвов. С тех пор как север страны опоясала железная дорога, хокермены больше не приезжают туда. Когда в угольных коях в Лимеридже начали использовать паровые машины, из тех мест исчезли все альвы...»

Теперь, после впечатляющих рассказов Рэндона о механической магии, я понимала это гораздо лучше. Где-то на пути познания мира мы с альвами разошлись. Возможно, мы оказались для них слишком шумными и назойливыми соседями. Или они просто нашли другое место, более соответствующее их сути.

Не так давно мне довелось увидеть ещё одного альва, приятеля Иннелина. Насколько я поняла, он явился к нашему хокермену по какому-то делу. Окажись тогда в лавке мистер Брандт, он наверняка принял бы пришельца за ангела. Высокий и стройный, альв был одет в скромную походную куртку, но его лицо словно светилось, а выражение больших глаз было не то чтобы отстранённым, а, скажем так, нездешним. Он церемонно приветствовал меня мелодичным голосом и больше не обращал на меня никакого внимания. Иннелин по сравнению с ним казался в сто раз более человеческим! Пришелец был чем-то недоволен. Я не хотела мешать их беседе, но невольно прислушивалась, хотя на альвийском могла разобрать разве что несколько слов.

– Ты связываешь себя, – горячился пришлый альв.

Иннелин будто оправдывался. Я поняла одну фразу, и то потому, что раньше слышала её в песнях. Он сказал: «Это место – дом моего сердца...»

После этого случая я оценила, насколько наш Иннелин отличался от других альвов. Мне тоже дорог наш городок, и от мысли, что кто-то любит эти места так же сильно, как я, на душе становилось теплее. Тем более неожиданно, что этим существом оказался альв.

В конце концов мне удалось-таки нащупать ниточку к Черно книжнику. Судя по книгам, в древние времена в нашей местности действовали последователи какого-то злобного божка, знаменитые своим магическим искусством и изошрённо-жестокими обычаями. Хронист, похоже, боялся их до смерти, потому что упоминал о них только вскользь, иносказательно и обмолвками. Я записала непроизносимый набор символов, которыми автор обозначал этих фанатиков, и упрямо продолжала поиски.

Глава 9

Середина октября выдалась пасмурной и дождливой. В Илсбери воцарилось подавленное настроение. Спустя две недели после гибели Пенни «неизвестный грабитель» так и не был найден. Все заметили, что люди начали относиться друг к другу всё более подозрительно. Как всегда, нашлись желающие объяснить убийство происками сверхъестественных сил. До меня дошли смутные слухи о каком-то призраке, которого якобы видели иногда в лесу недалеко от старой мельницы. Как будто мало мне было вечерних чтений о злобных духах, некогда обитавших в наших краях, так теперь ещё один объявился! Впрочем, Иннелин скептически относился к этим рассказам. Также он выяснил, что у мистера Хардмана не было алиби на то утро, когда убили Пенни. Эта версия казалась нам более перспективной.

Рэндон принёс известие, что наш мэр, желая поднять моральный дух горожан и отвлечь их от последних несчастий, вознамерился провести в Илсбери ярмарку. Не всем понравилась эта идея: что за ярмарка за два месяца до Рождества? Инспектор Беккер высказался еще резче, ведь на его ведомство легли дополнительные меры по обеспечению безопасности. Ясное дело, что приезд толпы чужаков был совсем некстати сейчас, когда в окрестных холмах затаился убийца.

С Рэндоном мы, можно сказать, помирились. Когда на

следующий день он опять пришёл в лавку, я сразу сказала, что Иннелин раньше вечера не появится, чтобы лорду не пришлось мучиться, вынужденно общаясь со мной. Демьюр сегодня тоже отказался меня сопровождать. Сдаётся мне, кому лень было покидать насиженное местечко возле камина.

Тем не менее, Рэндон остался, и мы очень душевно побеседовали пару часов. Возможно, ему хотелось заняться самоистязанием, но скорее всего, он пытался дать мне понять, что вовсе не считает меня человеком низшего сорта. Не припомню, чтобы раньше он интересовался моими увлечениями: книгами, которые я читала, или людьми, с которыми я любила общаться.

Я тоже постаралась показать, что его общество мне вовсе не противно. Поразмыслив, я решила, что вчера была слишком резка. Меня обидела некоторая бесцеремонность, с которой Рэндон брался решать чужие проблемы. Но, учитывая, какая на нём всегда лежала ответственность, это можно было простить. И потом, сейчас было не подходящее время для мелочных обид, когда перед нами громоздились такие проблемы.

Так и не дождавшись Иннелина, лорд ушёл, вторично забыв у нас свой плащ. А ночью, между прочим, шёл снег! Не хватало нам в команде ещё одного простуженного! Поколебавшись секунду, я выбежала следом.

Рэндон уже сидел верхом, но, увидев меня на крыльце, спешился и вернулся обратно.

– Возьмите, вы же простудитесь, – сказала я, протягивая плащ.

– Спасибо. – Он взял плащ так осторожно, словно я могла спрятать в нём какую-нибудь каверзу, и вдруг неуверенно улыбнулся. – Это самые добрые слова, какие я от вас слышал за всё время знакомства.

Правда, что ли? Мне стало неловко. Всё-таки эти верховные лорды с их навыками управления людьми – знатные манипуляторы!

– Вы слишком великодушны, чтобы не дать человеку второго шанса, правда? – тёплым голосом продолжал Рэндон. – Первое впечатление часто бывает ошибочным... Надеюсь, я ещё не растерял все шансы на вашу дружбу?

От смущения я не нашлась с ответом, так что просто молча смотрела, как он уезжает. Неужели его действительно волновало моё мнение? Быть такого не может. В лавку я вернулась в странной задумчивости.

Впрочем, вскоре другое происшествие вытеснило у меня из головы эти мысли и здорово подпортило мне настроение. На днях мне понадобилось прикупить кое-что в магазинчике миссис Томсон. Не задумываясь, я вбежала на крыльцо, взялась за ручку двери и вдруг услышала:

– Ну, Элизабет казалась вполне благонадёжной особой, пока не связалась с этим альбомом...

(согласный гул)

– В тихом омуте...

– Дорогая моя, альв способен сбить с пути истинного любую праведницу! Вот одна знакомая жены брата моего мужа...

– А недавно эта девчонка очень подробно выпрашивала меня о мистере Хардмане, – послышался голосок миссис Шарп.

– Вы думаете, она и с ним...

(гул возобновился с удвоенной силой)

– А вы вспомните Эвелин! В этом садовнике есть что-то дьявольски привлекательное...

Вся кровь бросилась мне в лицо. Я набрала воздуха в грудь... и отступила от двери. Просто не смогла заставить себя войти. Больше я в магазине не появлялась. Если мне нужно было что-то купить, я поручала это горничной миссис Хиггис. Агнес была смышлёной, расторопной девушкой и за пару медяков соглашалась выполнить любое мелкое поручение. Правда, в лице миссис Томсон я потеряла крупный источник информации, но это ничего. Всё равно почти все её клиентки иногда заглядывали в нашу лавку чудес. Однако здесь они чувствовали себя на чужой территории и не осмеливались говорить мне гадости, по крайней мере, в глаза.

* * *

Чтобы нейтрализовать порцию яда, полученного от наших «добрых» соседок, я отправилась к тётё Роуз. С некото-

рых пор я старалась бывать у неё пореже. Как ни прискорбно это сознавать, но мои визиты могли повредить её репутации. Я была чёрной овцой в семье. Однако для сегодняшнего визита имелся веский повод: мне нужно было как можно больше узнать о миссис Скорп, так что я засунула свою совесть подальше и захлопнула за ней дверь.

Когда улыбающаяся Мэри встретила меня на пороге, а из дома пахло привычным запахом свежей сдобы, у меня даже слёзы навернулись. Как же я, оказывается, соскучилась!

Будто вернувшись из долгого путешествия, я оглядывала нашу милую гостиную, в которой прошло всё моё детство. Одна из бледно-лиловых шёлковых занавесок когда-то была реквизирована Эмили для мантии Королевы фей. Пушистый ковёр тоже немало пострадал от наших игр: вон там под столом виднелось небольшое пятно от гуммиарабика, которое потом так и не удалось вывести. Старинный пузатый буфет орехового дерева поблёскивал фарфором. На стене висела литография Мадонны с младенцем, про которую я когда-то думала, что это портрет моей бабушки.

Я так расчувствовалась, что готова была обнять каждую диванную подушку, но вместо этого поцеловала тётю Роуз и уселась напротив. Обед был просто великолепен: тётушка с присущей ей заботливостью распорядилась приготовить мои самые любимые блюда, в том числе её фирменный пирог с яблоками. Обычно тётя Роуз проявляла здоровую умеренность в пище, а для парадных обедов велела приготовить

что-нибудь изысканное, из гаэльской кухни.

После расспросов о здоровье и текущих делах, тётя охотно дала мне адреса некоторых леди, работавших с Эвелин Скорп в Комитете помощи молодым девушкам. У неё сохранились их старые письма. Я хотела как можно больше узнать о мисс Эвелин. Что она была за человек?

– Эвелин, – задумалась тётя, – была страстной натурой. У них не было детей, может быть, поэтому она взялась опекать этих несчастных девушек. Всё, что она ни делала, она делала со страстью. Вспомни её сад, например. Могу ещё сказать, что она ни за что не потерпела бы никакой несправедливости.

Это давало новую пищу для размышлений. Я представила себе решительную, сильную женщину, образованную, с твёрдым характером. Чем могла привлечь её тёмная магия? Что такого она могла ей дать, чего Эвелин не смогла бы добиться сама? Разве что... ребёнка? Может быть, навязчивое желание иметь детей подтолкнуло несчастную миссис Скорп к опасной игре с колдовством? История знала достаточно подобных примеров.

Мне нужно было больше информации. Вернувшись домой, я написала несколько писем дамам из Комитета и сразу же отправила их. Теперь оставалось только ждать.

Осень постепенно затягивала Илсбери в серый туманный омут. Деревья стояли голые, а кладбище, когда я снова туда явилась, всё было застелено покрывалом из жёлтых листьев.

Возле могилы Пенни кто-то сидел. Подойдя ближе, я узнала молодого Питера Уэста, помощника столяра. Пенни однажды пригласила его в лавку, чтобы помочь повесить полки. Правда, добрую половину времени они хихикали и обжимались по углам. Питер принёс на могилу пёстрый букет пушистых астр – белых, бордовых и фиолетовых. Я молча присела рядом.

– Я знаю, кто её убил, – горько сказал он, не глядя на меня. – Только полиция никогда его не поймает.

Смелое заявление. Я подождала, не скажет ли он ещё что-нибудь. Питер, быстро оглянувшись, прошептал:

– Это был призрак, мисс!

– Откуда ты... почему ты так думаешь?

– Призрак со старой мельницы. Вы слышали, что он опять объявился?

Теперь я поняла, о чём он говорил. Думаю, в каждом уважающем себя городке имеется собственное привидение. Что-то вроде местной достопримечательности. Илсбери не стал исключением. Когда-то давно здешний мельник совершил нечто ужасное: то ли забил лопатой для зерна своё се-

мейство, то ли ещё что, никто уже точно не помнит, а потом повесился прямо на мельнице. Разумеется, после этого её сожгли. Тем не менее, мятежный дух мельника никак не мог успокоиться и временами возвращался на привычное место, предвещая голод, эпидемии, затяжные дожди и прочие неприятности. Серийные убийства, например.

– Мы с Пенни однажды на мельнице... это... – Питер загнулся и мучительно покраснел. – Мы бы всё равно поженились, понимаете? Мои родители были против, ведь мы оба бедные, но Иннелин собирался дать Пенни приданое за то, что она помогала в лавке.

Надо же, а я этого не знала. Подруга, называется! – упрекнула я себя.

– Думаю, призрак рассердился на нас за ту ночь и убил её. Я однажды видел его там, за водяным колесом.

От бледного лица парня повеяло таким страхом, что мне стало не по себе. Питер тем временем продолжал:

– Он высокий, в тёмном плаще и как будто плывёт над землёй. Живые так не ходят.

Я всегда придерживалась мнения, что большинство увиденных кем-то «призраков» имели вполне материальную природу. Неужели на старой мельнице кто-то прячется? Я подумала, что нужно срочно сказать Иннелину.

– Как вы думаете, мисс, призрак придёт за мной? – обречённо спросил Питер.

– Нет, – твёрдо ответила я. – Но от мельницы лучше и

правда держаться подальше.

– А ещё мне показалось, что мистер Скорп догадался насчёт нас, – задумчиво добавил Уэст. – Когда мы с Пенни шли к мельнице, он как раз ехал навстречу. Я боялся, что он запретит мне появляться на похоронах. Всё-таки грех... А он ничего не сказал. Мистер Скорп – понимающий человек, хотя по виду и не скажешь!

Мы посидели ещё немного, вспоминая разные случаи из жизни Пенни. Удивительно, что я могла вспомнить так много, хотя мы знакомы были всего ничего. Потом Питер Уэст проводил меня до дома, и отчего-то мне показалось, что нам обоим стало немного легче.

Глава 10

Утром Рэндон нарочно заехал в лавку пораньше, надеясь застать там одного Иннелина. Нужно было обсудить некоторые вещи, не предназначенные для любопытных ушей мисс Элизабет. Увы, девушка уже была там. Иннелин как раз привёз очередную партию новинок, и Элизабет с воодушевлением осматривала их, вооружившись своей неразлучной толстой тетрадкой. Её деловой вид показался Рэндону забавным. И чего ей не спалось с утра, а? Разве леди не должны нежиться в своих комнатах до полудня, чтобы потом украшать собой домашние гостиные, подобно прекрасным цветам? Будучи честным с самим собой, лорд мысленно согласился, что цветком Элизабет была прелестным, правда, иногда довольно колючим.

Девушка тем временем добралась до коробки с походными светильниками и восторженно вскрикнула. Они были похожи на небольшие прозрачные шары, загоравшиеся от удара мягким желтоватым светом. Такой светильник можно было бросить ночью перед собой на дорогу, чтобы освещать путь. Элизабет прозвала их «светлячками». Ещё больше ей понравились перчатки из тонко выделанной кожи, умеющие сохранять тепло. Иннелин с Рэндоном переглянулись, и альв, не слушая возражений девушки, положил ей в сумку пару «светлячков» и перчатки. Рэндон горячо это одобрил.

Слишком часто ей приходилось возвращаться затемно! Конечно, один из его людей всегда следовал за ней, но это не уберёжёт девушку от опасности подвернуть ногу, например. И она всё ещё была бледна после той простуды. А уж эта ледяная комната, в которой ей приходилось жить – просто жуть! Ничего, миссис Хиггис не скоро забудет их разговор. Кажется, он немного напугал почтенную хозяйку, хоть и не имел такого намерения, зато теперь она наверняка будет более внимательна к своей съёмщице.

Но даже Рэндон потерял дар речи, когда Иннелин, подмигнув ему, выложил на прилавок длинный свёрток и развернул складки. На полотне поблёскивали две шпаги с изящной гардой и тонким клинком. Они были великолепны.

– Это не на продажу, это для нас. Вдруг пригодятся? – улыбнулся альв.

– Против нашего убийцы? Не думаю. – Рэндон покачал головой. – Не его стиль. Он скорее подкараулит с ножом в подворотне, чем выйдет против тебя со шпагой.

И всё же, когда Иннелин предложил испробовать альвийские клинки в деле, Рэндон с радостью согласился. Они вышли на задний двор. Шпага приятной тяжестью легла в руку.

«Как же здорово, чёрт возьми, забыть обо всех проблемах, об этом проклятом маньяке и просто честно подраться!» Конечно, он не собирался нарочно красоваться выучкой – ещё чего! – но пару раз не удержался и бросил взгляд на окно. Показалось, что за стеклом промелькнуло девичье ли-

цо. Элизабет...

Секундная рассеянность чуть не стоила ему победы: шпага альва молниеносно описала дугу, и Рэндон только чудом избежал укола в бок. Он успел уклониться и отбил клинок противника к земле.

Иннелин не замедлил съехидничать:

– Окна для фехтовальщика могут быть чрезвычайно опасны, мой романтический друг! Так и жди, что тебя ослепит блеск солнца на стекле... или нечто по ту сторону окна.

– Что толку, если ей это безразлично! – В следующую атаку Рэндон вложил всю душу, теперь пришла очередь альву отступить, чтобы сохранить дистанцию. – Я фактически признался ей в любви несколько дней назад – и что? И ничего. Приветлива и спокойна, как обычно.

– Что, вот так взял и признался?

Иннелин сделал выпад, чтобы нанести прямой удар.

– Не напрямик, конечно, – ответил лорд, уклоняясь. По сравнению с альвом он чувствовал себя тяжёлым, как лось.

– Дай-ка я угадаю... Ты написал страстный сонет, бросил его в камин и понадеялся, что ветер отнесёт дым к дому твоей возлюбленной, поведав ей о твоих чувствах? Не все женщины владеют телепатией, знаешь ли.

– Смейся-смейся! Вот разберёмся с Чернокнижником, тогда я ей скажу!

Рэндон предпринял ещё одну решительную атаку, вынудив альва интенсивно защищаться.

– Напрасно тянешь. Спеши жить, Аксара! Сегодня вы оба молоды, свободны и живы – зачем откладывать?

– Пока наш убийца на свободе, я не жених, а потенциальный труп.

– С таким отношением к проблеме – можешь стать реальным, – нахмурился альв.

– Да ну тебя, напророчишь.

Уже после «поединка», когда они умывались во дворе, Иннелин сказал совсем другим, серьёзным тоном:

– Я на днях снова уеду. Постараюсь собрать наших, сколько смогу. Чувствую, дело идёт к развязке, а сейчас в этих краях редко встретишь альва...

– Не удивительно. Скорее я удивляюсь, как ты вообще здесь выдерживаешь. Проклятый колдун своим чароплётством травит всю округу, даже я это чувствую, – поморщился Рэндон.

– Я не позволю ему осквернить эти места, – покачал головой Иннелин, – слишком они мне дороги! Элизабет тоже будет проще, когда я уеду: меньше сплетен, что мы с ней проводим много времени наедине. У меня к тебе просьба: попроси одного из своих людей присмотреть за лавкой. Мне в последнее время кажется, что этот тип, кто бы он ни был, крутится где-то поблизости. Я беспокоюсь за Элизабет.

Рэндон только вздохнул. Будь его воля, девушки здесь давно не было бы. Но кто же его послушает!

– Конечно, – сказал он печально, – я и сам за ней при-

смотрю.

* * *

Когда Иннелин извлёк на свет альвийские шпаги, я с трудом удержалась от улыбки при виде реакции обоих мужчин. Как мальчишки, честное слово! Даром, что одному уже за сотню перевалило! Я не собиралась наблюдать за их «разминкой» во дворе, но, честное слово, отлепиться от окна было выше моих сил. Альв и человек кружили по двору с такой скоростью, что я едва успевала замечать молниеносные взблески клинков. Это было завораживающе прекрасно, словно опасный танец.

Разумеется, я понимала, что спортивный поединок отличался от реального боя. Здесь каждый из соперников старался показать своё искусство и дать возможность другому продемонстрировать своё. Подозреваю, что в настоящем сражении участники далеки от такой куртуазности.

Когда мужчины вернулись, оба разгоряченные схваткой и страшно довольные, Иннелин известил меня о своём очередном отъезде, наскоро собрал сумку и вышел, бросив многозначительный взгляд на своего друга. Лорд Рэндон казался странно задумчивым: сидел, гипнотизировал взглядом камин и молчал.

В конце концов, я не выдержала и предложила ему чаю. Он, казалось, смутился.

– Да, Элизабет, я хотел... кстати, а куда подевался мой пушистый друг? – спросил он вдруг.

– В последние несколько дней Демьюр бессовестно пренебрегает своими обязанностями, сидит дома и жалуется на мигрень, – ответила я ему в тон, раскладывая на прилавке товар. – Я уже подумываю сместить его с должности.

– О! Засвидетельствуйте ему мое восхищение, – улыбнулся Рэндон и неожиданно засобирался уходить. – Кот, у которого мигрень! И должность! Наверное, у него есть ещё страховка и счёт в банке.

* * *

В это время в маленьком глухом переулке на Сиреновой улице таился человек в тёмном плаще. Он терпеливо дождался, когда улица опустеет, и степенно взошел на крыльцо двухэтажного нелепого дома, выкрашенного серой и коричневой краской. На лестнице ему никто не встретился, так что, осторожно прислушавшись, он достал специально припасённый инструмент и принялся ковыряться в замке. Вдруг за дверью послышался шорох и громогласное «уа-у-у» огласило весь коридор. Человек отскочил, от неожиданности чуть не уронив отмычку. Кот (если это был кот) не ограничился одним воплем. Стоило только приблизиться к заветной двери, как он снова заводил свою протяжную песнь. Просто невозможно было работать! В любой момент на пло-

щадке могла появиться хозяйка или соседи. «Тьфу, скотина», – сплюнул Тёмный плащ и поспешно ретировался.

По другую сторону двери здоровенный рыжий котяра распластался у порога и некоторое время внимательно прислушивался. Затем он удовлетворённо потянулся, тряхнул шубой и отправился в кресло – досыпать.

Глава 11

Ранним октябрьским утром – кстати, даже относительно солнечным – я сидела в одиночестве за прилавком и перебирала причины моего плохого настроения.

Во-первых, в городе началась ярмарка. Мистер Скорп всё-таки сумел это проверить, несмотря на недоумение горожан, неподходящее время года и возражения инспектора Беккера. Тем не менее, городу ярмарка явно пошла на пользу. Все как-то оживились, встряхнулись, позабыв про пугающие слухи о призраке. Всё это было прекрасно, но ярмарка оттянула к себе всех наших покупателей. К тому же меня покусывала зависть, потому что мне тоже хотелось там побывать, но пойти одна я стеснялась. Иннелин отсутствовал уже несколько дней.

Даже мой кот в последнее время начал меня игнорировать! Целый день он отсиживался в квартире, а по вечерам его внезапно посещала жажда странствий, из-за чего мне приходилось выпускать его на волю и потом полночи прислушиваться, чтобы впустить обратно. Я злилась. Что случилось с моим котом?

И наконец, накануне ночью я не выпалась.

Вчера вечером, сидя за книгами, я терпеливо просматривала страницу за страницей. Немного мешал свист ветра за окном, треск ломающихся веток и глухое ворчание грома –

вечерок выдался самый что ни на есть подходящий для изучения зловещих обрядов. В завывании ветра мне чудились жалобные голоса всех принесённых в жертву, а в сверкании молний – отблески гнева древних забытых богов. Демьюр тоже добавил каплю паники в бочку моего страха. Безмятежно дремавший в кресле, он вдруг подскочил и замер неподвижно, уставившись куда-то в угол. Я тоже туда посмотрела – угол был пуст. Демьюр помедитировал на пустоту ещё немного, затем соскочил с кресла и с видом «да ну его, жизнь дороже» отполз под кровать. В этот момент небо полоснула молния, и сразу же оглушительно гроыхнуло.

– Да чтоб вас!

Я раздражённо захлопнула книгу. При этом из неё вылетел листок и спланировал на пол. В сердцах я хотела засунуть его обратно, но, вчитавшись внимательнее, принялась листать книгу в поисках нужной страницы. Неужели я наконец нашла то, что искала?

Это было описание ритуала из арсенала тех самых магов-фанатиков, позволяющего призвать древнюю тёмную силу. Требовалась всего-то кровь пяти женщин, причем автор не потрудился уточнить, какая именно. Насчет девственности поставщиц тоже комментариев не было, хотя вроде бы это считается необходимым условием, нет? Кроме того, чародею понадобились бы: шерсть чёрной овцы, рог чёрной коровы, кошачий хвост (цвет не уточнялся, видимо, кошка считалась демоническим существом по определению) и

кусок верёвки повешенного. Прodelав с указанными ингредиентами ряд неаппетитных манипуляций и прочитав положенные заклинания, колдун должен был принести полученную субстанцию «на алтарь тёмному богу», который якобы наделит его за это невероятной магической мощью. Изображение алтаря в книге также имелось. Судя по всему, он должен был находиться где-то в наших лесах.

Я отложила книгу, потерла усталые глаза и задумалась. В принципе, действия нашего Черно книжника укладывались в рамки этого ритуала. Кроме того убийства на дороге, в почтовой карете. Может, тот человек оказался случайной жертвой? Нежелательным свидетелем? Или там действовал ещё один преступник? В классических детективах не полагалось, чтобы в городе одновременно действовали двое злодеев со схожими методами. Но то вымысел, а реальность – это другое дело. Я напредила себе уточнить у Рэндона, кем был тот труп в карете и куда он направлялся.

За этими размышлениями я бездумно смотрела в тёмный провал окна. При очередном росчерке молнии мне вдруг привиделась в саду чья-то фигура. Кто-то стоял под дождём и смотрел прямо на мои окна. Я миготм потушила лампу и отпрыгнула к стене не хуже Демьюра. Когда я набралась смелости снова выглянуть в окно, сад был пуст. Лишь холодный ливень шуршал в кустах, и голые деревья тянули в окно свои промёрзшие пальцы. Заснуть я смогла только под утро, несмотря на тлеющую лампу и кота, извлечённого из-

под кровати и уложенного мне под бок.

Уходя утром на работу, я нарочно заглянула в палисадник, но не обнаружила там ни следа таинственного ночного гостя. Впрочем, в такую погоду следы запросто могло смыть дождём... От невесёлых размышлений меня отвлек Рэндон, неожиданно заглянувший в лавку с букетом нежных альстромерий.

– Боже, как красиво! – восхитилась я. – Чью оранжерею вы ограбили, милорд?

– Пусть это останется моим маленьким секретом. Вообще-то я пришёл пригласить вас на прогулку.

– Но я не могу!

– Вам нужен свежий воздух. Вы целыми днями сидите в лавке, а вечером корпите над книгами, и оттого неважно выглядите, Элизабет. Будь Иннелин здесь, он сам немедленно выгнал бы вас отсюда.

«Интересно, откуда он знает, что я делаю по вечерам», – подумала я. Но вслух сказала другое:

– А вы так и не научились говорить комплименты!

– Постараюсь исправиться: этот букет я хотел подарить вместо тех альвийских цветов, которые не нужны вам не только из-за вашего невозможного характера, а... просто не нужны и всё.

Мы вышли на площадь перед ратушей, пестревшую разноцветными флажками, и попали в объятия ярмарки. После тихой маленькой комнатушки у меня даже голова закружи-

лась. Чего здесь только не было! В одной палатке фермер продавал масло и шерсть, другая вся была увешана имбирными пряниками, в третьей продавались расшитые вручную цветные сумки... глаза разбегаются!

Жители Илсбери выглядели воодушевлёнными, на их лицах не было видно ни следа недавней настороженности и уныния. О жутких слухах насчет призрака напоминала только очередь перед палаткой, где торговали горячим вином из бузины. По преданиям, оно отпугивало нечистую силу. Впрочем, может быть, люди просто хотели согреться стаканчиком?

Нос дразнили разные вкусные запахи. Прямо на улице бойкие торговцы предлагали печёные яблоки и горячий печёный картофель в красных контейнерах. Где-то неподалёку слышался глас разносчика рыбы: «Рыба и хлеб, всего за монетку!» Рэндон с улыбкой предложил мне попробовать береговых улиток, но я отказалась. Бр-р! Не люблю морепродукты. Сошлись на пирожках с мясом.

– О, вот это интересно! – воскликнул вдруг Рэндон и потянул меня к одной из палаток, возле которой собралась приличная толпа.

В палатке за столиком сидел темноволосый кудрявый мальчик лет семи. В руке он держал гусяное перо. Мальчик макал перо в чернильницу и старательно, ровным почерком выводил слова. Время от времени он наклонял голову и останавливался, будто соображая, что написать дальше. На пер-

вый взгляд я не нашла в этой картине ничего необычного, кроме разве что юного возраста писца. Потом расслышала, как люди шептались между собой: тонкая работа... механический человек... Мальчик оказался автоматом!

Хозяин палатки, он же изобретатель, расстегнул куртку на спине «мальчика», продемонстрировав нам сложный механизм. Привести его в движение можно было пружиной, как часы. Да и сам механизм напоминал часовой. Все заплодировали. Я тоже впечатлилась.

– Я видел подобный автомат на последней промышленной выставке в Спленфилде, – сказал Рэндон, когда мы выбрались из палатки.

– Что ещё необычного вы там видели? – с интересом спросила я.

– Да чего там только не было! Изобретатели и учёные сейчас в большом почёте. Можно сказать, что в столице правит бал меритократия. Георг... Его величество выделяет крупные средства на научные опыты и внедрение новых технологий. Технический и медицинский университеты абитуриенты берут штурмом. Это же цепная реакция, понимаете? Мы создали паровую машину – увеличилась добыча угля. Усовершенствовав паровую машину, мы получили паровоз. Наладили добычу железа – появилась рельсовая дорога, которая в состоянии этот паровоз выдержать, в отличие от чугуновой. Как только мы запустим счётно-аналитическую машину, это позволит сбросить с учёных груз долгих монотонных

вычислений, что даст толчок новым открытиям в математике. Математика же – готовый инструмент для описания физических законов. Это как лавина, которая всё больше набирает скорость, и её уже не остановить.

Я рассмеялась. Рэндон выглядел таким увлечённым. Он был похож на моего отца в эту минуту.

– Что? – спросил он, тоже улыбаясь.

– Если бы вы, сэр, рассказали мне всё это в нашу первую встречу, я бы точно поехала с вами! – выпалила я. И покраснела.

– Жалею, что не рассказал, – вздохнул Рэндон.

Мы ещё не успели обойти всю площадь, как к лорду подошёл один из его помощников и что-то негромко сказал ему, жестикулируя. Рэндон заметно помрачнел.

– Жаль прерывать нашу прогулку, – извинился он передо мной, – но позвольте, я провожу вас домой.

– Да что вы, я сама! – попыталась я отказаться. Ещё не хватало, чтобы он со мной нянчился.

В конце концов, мы сошлись на том, что он проводит меня до половины дороги. Настроение у меня упало, и погода тоже начала портиться. Бледный диск солнца едва виднелся за облаками, в сером воздухе повисла мелкая морось. Улицы затягивало туманом, и он всё сгущался. Туман как будто стирал различия между мной и Рэндоном: город таял в сумерках, и мы были одни, не верховный лорд и маленькая провинциалка, а просто мужчина и женщина, заблудивши-

еся в холодном сумраке, где единственным теплом оставалась поддерживающая тебя рука. Почему-то меня охватило необъяснимое смущение. Мы неловко попрощались. Думаю, если бы мы знали тогда, что это наша последняя спокойная прогулка на много дней вперёд, то постарались бы продлить её подольше.

Я свернула на свою улицу, мурлыкая под нос прицепившийся на ярмарке назойливый мотивчик, как вдруг из тумана передо мной вынырнула рослая фигура. На миг я пожалела, что не позволила Рэндону проводить меня до самого порога, но в следующую минуту узнала поджидавшего меня человека.

– Мистер Хардман? – удивилась я. Что ж, по крайней мере, сейчас при нём не было тех страшных ножниц.

Садовник молча протянул мне несколько веточек бересклета, которые я нерешительно приняла. Это что ещё за подношение? Что, сегодня какой-то особый букетный день? Хардман что-то промычал, будто пытаюсь донести какую-то мысль, потом запнулся, махнул рукой и ушёл. Я смотрела, как его фигура, двигаясь неровными крупными шагами, тает в тумане. Что все это значит?

До дома я добралась без приключений, однако сюрпризы еще не кончились. Моя квартирная хозяйка тоже встретила меня очень своеобразно. Она с воинственным видом стояла на крыльце, оглядываясь по сторонам. В руке миссис Хиггис держала каминные щипцы, зажав ими хвост дохлой крысы.

– Мы с Демьюром тут ни при чём! – тут же откристилась я. Мой кот не ловил мышей, считая это ниже своего достоинства, а к крысам относился с уважением и предпочитал разойтись миром.

– Боже меня упаси обвинять невинное животное! – воскликнула хозяйка. – Я хотела предупредить вас, мисс Элизабет, что кто-то разбрасывает отраву вокруг дома. Вчера миссис Хадсон, которая живёт на первом этаже, чуть не поскользнулась на крыльце на кусочке сала, а вечером мы нашли рядом с крыльцомдохлую кошку. А сегодня – вот это! – взмахнула она щипцами.

– Так что будьте осторожны, – сказала напоследок пожилая леди, унося с собой скорбную жертву неизвестного крысолова.

Я взлетела по ступенькам, пинком распахнула дверь квартиры, подхватила на руки моё обожаемое рыжее чудовище и только тогда облегчённо вздохнула. Кот, обалдев от такой нежности, вытаращил глаза и на всякий случай включил бурчальник.

– У нас проблема, – сказала я, зарывшись лицом в пушистый мех. – С сегодняшнего дня ты сидишь дома, ясно?

Демьюр скосил на меня безмятежные зелёные глаза и пренебрежительно зевнул.

Глава 12

Следующая ночь для разнообразия выдалась тихой и спокойной, правда, я решила отдохнуть от книг и хорошенько выспаться. Букет бересклета стоял в керамическом кувшинчике на окне, переливаясь красными, оранжевыми и пурпурными листочками, и страшно меня интриговал. Я хотела поразмыслить вечером над этой загадкой, но уснула, едва коснувшись головой подушки. Зато утром, пока я умывалась, причёсывалась и завтракала, бересклет просто не выходил у меня из головы.

Что хотел сказать мистер Хардман своим подарком? Или это был просто красивый жест? Бересклет ядовит. Может, это предупреждение? Чтобы не лезла, куда не надо? С другой стороны, оккультисты используют бересклет для снятия порчи и сглаза. Они верят, что если носить веточку бересклета с собой, то она принесёт удачу в делах и придаст смелости. Так что с другой стороны подарок можно было трактовать как своеобразное пожелание успеха. Или я всё выдумываю? Я вспомнила, как мучительно искривилось лицо Хартмана, словно он пытался сказать мне что-то. А с чего, собственно, я взяла, что его немота – это последствия умственного недуга? Вдруг это колдовство? Признаться, от такой мысли мне стало не по себе, как будто ледяной ладонью провели по шее. Тёмный колдун наверняка умел так зачаровать че-

ловека, чтобы тот не сумел выговорить ни слова, пытаюсь раскрыть его грязный секрет! Мне необходимо было срочно встретиться с Иннелином, если он уже вернулся.

Влетев в лавку, я заметила хокермена у окна и с ходу спросила: «Скажи, бересклет что-нибудь означает в волшебных обрядах альвов?»

Торговец медленно обернулся ко мне и безжизненным голосом произнёс:

– Кэтрин пропала.

* * *

Уверена, что даже через сто лет я не смогу без дрожи вспоминать о тех кошмарных сутках, которые нам пришлось пережить.

В последний раз девочку видели в школьном саду, вчера после уроков. Когда и как она улизнула, никто не заметил. В ходе пристрастной родительской беседы с детским населением Илсбери удалось выявить двух пацанов, которые признались, что подбили отчаянную девчонку прогуляться в «обитель призрака». Мальчишки залегли на холме и оттуда следили, как девичья фигурка спускается к развалинам мельницы. Обрато она не вернулась. Парни натурально решили, что их обвели вокруг пальца, обиделись и вечером преспкойно разошлись по домам, нисколько не испытывая волнения за подругу. Они понятия не имели, какая паника нача-

лась в женской школе ночью.

С утра на городской колокольне зазвонил колокол, собирая жителей к ратуше. Большинство из тех, кто приехал на ярмарку, тоже решили принять участие в поисках. Мистер Скорп и миссис Холланд, стоявшие на крыльце, что-то объясняли кучке «скорпионов», в то время как другие помощники мэра собирали людей в отряды.

Я пошарила глазами в толпе, где то и дело мелькали знакомые лица, но не увидела одного особенно интересовавшего меня человека. Я схватила за руку Иннелина:

– А где мистер Хардман? Кто-нибудь его видел?

Альв с Рэндоном переглянулись и направились к группе мужчин, а я бросилась на поиски миссис Шарп.

Во дворе я наткнулась на Хоппера. Он положил мне на плечо свою тяжелую руку и легонько сжал.

– Ничего, мисс, – сказал он сочувственно. – Вы раньше времени-то не отчаивайтесь. Найдётся она.

От его слов двор ратуши расплылся у меня перед глазами. Я с усилием проглотила слёзы. Ох, вот только не надо меня успокаивать – я от этого ещё хуже раскисаю! Лучше бы он меня снова обругал, как в прошлый раз.

Под ногами у Хоппера крутился коренастый бульдог, погавкивая на окружающих.

– Спокойно, Бекон! – приказал мистер Хоппер.

– Бекон? – растерянно переспросила я. Вспомнила несчастного поросёнка Паштета, и мне стало не по себе. Долж-

но быть, это воспоминание посетило нас с Хоппером одновременно, потому что мясник верно понял причину моей растерянности и даже как будто обиделся:

– Ну что вы, мисс Гордон! Это просто кличка, ничего такого, – сказал он укоризненно. И добавил с гордостью: – Знаете, какой у него нюх!

Миссис Шарп обнаружилась в холле ратуши с тремя буханками хлеба в руках. Она собиралась делать сэндвичи для добровольцев, чтобы им было чем перекусить в перерывах между поисками.

– Ох, мисс Гордон, – воскликнула она. – Какое несчастье!
– Где мистер Хардман?

Миссис Шарп огорчённо поведала мне, что её работник вдруг собрался проведать каких-то своих родственников и уехал. Итак, Хардман исчез со сцены, напоследок оставив мне несколько веточек бересклета как сувенир. Или послание.

Мы с Рэндоном присоединились к отряду, который направился к мельнице. Ещё несколько команд, вооружившись фонарями и факелами, ушли в лес. Мистер Хоппер и его четвероногий помощник шли с нами, Бекон рвался с поводка. Дождя этой ночью не было, так что мы немного воспрянули духом, понадеявшись на собачий нюх.

На мельнице Бекон ткнулся носом в охапку сена и принялся рыться в ней. Мистер Хоппер отозвал собаку и осторожно посветил туда фонарём. В луче света что-то блеснуло.

– Это её браслет, – хрипло сказала я, глядя на бисерную змейку в руках мясника. – Кэти умела делать такие вещи.

К сожалению, дальше дело застопорилось. В этот момент к нам присоединился альв. Рэндон подозвал его поближе:

– Иннелин! Иди-ка сюда.

Набрав в горсть влажной земли, альв смял её пальцами, зачем-то понюхал.

– Перец. И порох, – сказал он.

– Предусмотрительный, гад, – пробормотал Хоппер.

Рэндон взял меня за руку, и я обессиленно прислонилась к его плечу. Порох, перец – все эти предосторожности однозначно указывали, что Кэтрин исчезла не сама по себе. Это означало, что наша девочка сейчас с ним. С Чернокнижником.

Между тем, Иннелин с восторгом глядел на бульдога. Лицо его озарилось. Мне стало страшно: уж не сошёл ли он с ума? Представляю, каково здесь было находиться альву, с их нетерпимостью к насилию и тёмному колдовству! Похоже, мы его доконали.

– Собака... – прошептал он. – Мистер Хоппер, вы гений!

Он хлопнул растерянного мясника по плечу и бросился в сторону города, прокричав нам только:

– Ночью вернусь!

– Возьми моего Мрака! – крикнул Рэндон ему вслед. – Быстрее обернётся!

– Что? – не выдержала я. – Он что-то придумал?

Рэндон бережно прижал меня к себе:

– Я очень надеюсь, что его затея поможет.

Если бы он всегда мог быть таким добрым! Уже через пять минут мы насмерть поссорились. Рэндон собирался идти в лес с одной из групп, и я попросилась с ними, но он наотрез отказал. Я сама толком не понимала, почему за него так цеплялась. Среди растерянных, бесцельно суетившихся людей он один казался собранным и целеустремлённым. Казалось, он знал, что делать, и делал это явно не в первый раз. Я думала, что если кто и сможет спасти Кэтрин, то это будет лорд Рэндон. И если я хочу ей помочь, то должна держаться поблизости...

Увы, лорду было плевать, кто чего хочет. Он даже не соизволил объяснить свой отказ, и я вся пылала от возмущения, когда он отвёл меня к миссис Холланд и попросил найти мне какое-нибудь дело. А дел, признаться, хватало. Вместе с другими преподавательницами мы резали бутерброды, готовили чай для добровольцев, разливали его в кружки. Наши прошлые раздоры и обиды казались такой мелочью по сравнению с нынешним горем!

Поисковые группы одна за другой возвращались из леса. К вечеру Кэтрин всё ещё не нашли. Люди быстро ели, брали факелы и снова уходили на поиски. Я слышала, что прочесали весь лес на несколько миль вокруг. Несколько лодок прошли вверх и вниз по реке, внимательно осматривая берега. Всё было напрасно. Вечером миссис Касл стало совсем

плохо, её уложили в постель. Миссис Холланд, за один день постаревшая лет на десять, осталась с ней. Пока мы сидели в комнате и ждали вестей, мисс Сноу взяла какую-то книгу и принялась читать вслух. Я не помню оттуда ни одной строчки, но хорошо помню спокойный холодноватый голос, который позволял нам выдерживать час за часом и не сорваться в истерику.

Ночью Рэндон, вернувшийся с одной из групп, отправился проводить меня домой.

– Вы снова обиделись на меня, Элизабет, – устало сказал он, когда мы подошли к дому. Всю дорогу мы шли молча, как чужие.

– Я отправился в лес с инспектором Беккером и двумя полицейскими. Мы взяли кристалл поиска. Больше никто здесь, кроме меня и Иннелина, не умеет с ним обращаться. В то время, когда другие группы искали ребёнка, мы искали тело. И в отличие от других, я страшно рад, что наши поиски не увенчались успехом. Подумайте сами, мог ли я взять вас с собой?

Мне стало стыдно. Но я так устала, что у меня не было сил оправдываться. Рэндон коротко попрощался:

– Постарайтесь отдохнуть хоть немного. Как только будут известия от Иннелина, я за вами приду.

Я кивнула и поднялась к себе. За окнами было слышно, как на улице переговаривались люди. Несмотря на поздний час, во многих домах горел свет. Моя комната вдруг пока-

залась мне клеткой, в которой я задыхалась. Кот молча дежурил на подоконнике, рядом с ним в кувшине нахально играл красками бересклет: мол, не отгадаешь, не отгадаешь... Красные листья, похожие на пятнышки крови, вдруг расплылись у меня перед глазами. Я в сердцах схватила кувшин и запустила им в стену. Потом сползла на пол и разрыдалась.

* * *

Бледный глаз луны проглядывал сквозь клочья облаков, освещая пространство зыбкими призрачными лучами. Каждый мой шаг сопровождался зловещим шелестом. Под ногами поблескивали мертвые листья – тысячи сухих листьев, а вокруг двигались синие тени деревьев. Как я оказалась в ночном лесу?

Резкий шорох слева заставил меня отскочить и прижаться к шершавому стволу. Демьюр! Точно! Нахальный кот – будь он неладен – снова не соизволил вернуться с ночной прогулки, так что мне пришлось отправиться за ним следом.

– Демьюр! – позвала я.

Коту было хоть бы хны, он бесстрашно углубился в призрачное колеблющееся марево переплетённых ветвей. Я припустила следом, стараясь не терять его из виду. Деревья словно сами расступались передо мной, и повсюду меня сопровождал горький шёпот мертвой листвы.

Внезапно толстая ветка крепко наподдала мне пониже

спины; я, споткнувшись, вылетела на поляну, а изломанные деревья столпились вокруг, перекрывая дорогу и поскрипывая от нетерпения. В середине поляны высился большой чёрный камень правильной формы, такой глубокой черноты, что он поглощал даже лунный свет. Кот с разбегу взлетел на этот постамент, зарычал, взъерошил шерсть и раздражённо провёл когтями по камню. Звук был – как гвоздем по стеклу. У меня даже зубы заныли.

– Демьюр, – испуганно позвала я. – Иди сюда!

Ноль реакции. Кот увлечённо продолжал заниматься вандализмом, снова проехавшись когтями по камню, на сей раз с разбегу. Каменной глыбе такое обращение явно не пришлось по душе: в её недрах зародилось глухое ворчание, а на боковых сторонах, разгораясь, засветились какие-то багровые знаки.

– Демьюр! – крикнула я с паникой в голосе.

Деревья возбуждённо скрипели. Их сухие ветви вытягивались, накрывая поляну подобно куполу, бледный диск луны отдалялся и таял в небе. Я словно падала в бесконечно глубокий колодец. От страха перехватило дыхание, я зажмурилась... и села в кровати, едва дыша и с бешено бьющимся сердцем.

Было тихо, небо уже слегка посветлело. В окно заглядывал узкий серп месяца. Демьюр преспокойно дрых у меня в ногах. Вдруг скрежет из моего сна повторился. Я вздрогнула, но оказалось, что это чей-то камешек ударил в моё окно.

Лорд Рэндон! Конечно, ведь он обещал прийти!

С кровати меня словно ветром сдуло. Демьюр, лениво приоткрыв один глаз, снова прикинулся ковриком. Приличные коты в такую рань не встают. Накануне я прилегла поверх покрывала прямо в одежде, поэтому сборы не заняли много времени. Я наспех умылась, пригладила волосы и схватила пальто. Ленты капора завязывала уже на бегу.

Вдвоем мы вышли в лиловые сумерки, едва разбавленные розовым на востоке. Было зябко, пожухлая трава подёрнулась инеем, как сединой. Сыпал мелкий зернистый снег. В лавке я чуть не споткнулась спросонья об огромный рыже-чёрный меховой стог, лежавший на полу. Стог поднял голову и заколотил по доскам пышным хвостом.

– Что это? – удивился Рэндон, входя в лавку следом за мной. – И где у него перед?

– Это же альвийский шеффер, да? – воскликнула я. Никогда не видела их вживую.

– Полукровка, – откликнулся Иннелин. – Чистокровный шеффер нас бы всех сожрал, да ещё и прилавок бы покусал. Они признают за хозяев только тех, кто вырастил их со щенячьего возраста. Этот пёс подобнее будет. Его зовут Орм.

«Стог» против нашей компании явно ничего не имел. Вместе с ним мы опять направились к мельнице. Я захватила с собой старые перчатки Кэтрин. Пёс уверенно взял след и потянул нас... нет, не в лес, а на окраину Илсбери!

– Ха! Я так и думал! – пробормотал Иннелин с каким-то

азартом.

Мы прибавили шагу. От земли поднимался туман. Улицы, окутанные дымкой, казались чужими и незнакомыми. Бледно-сиреневое небо выглядело так, будто кто-то мазнул по нему нежно-розовым кремом, а лепные белые облака смахивали на пышные булки. Я сглотнула. Боже, как мне не стыдно в такое время думать о еде!

Пёс тем временем затащил нас в переулок и замер, напряжённо вытянувшись в струну, затем молча бросился вперёд. Мы мгновенно стряхнули оцепенение.

– Там! – показал Иннелин.

Возле старого дощатого забора скорчилась маленькая фигурка.

– Это человек!

– Это... это Кэтрин! – крикнула я, задыхаясь.

Из-за дурацких юбок я бежала медленнее всех. Когда я догнала мужчин, Рэндон уже подхватил девочку на руки.

– Жива! – услышала я его радостное восклицание.

От облегчения у меня даже голова закружилась, так что пришлось опереться на забор, чтобы не упасть. Лицо девочки было бледным до синевы, одна рука наспех перевязана оборкой от её собственной нижней юбки. Но она была тёплой и дышала! Орм сидел, вывалив язык, и был очень доволен собой.

– Неси её в лавку, – скомандовал Иннелин. – Элизабет, ты знаешь, где у меня хранятся лекарства. А мы с Ормом тут...

прогуляемся.

Рэндон бросил на друга встревоженный взгляд, но возражать не стал. Лицо Иннелина стало жёстким и острым, это был уже не тот мирный странник и вдохновенный поэт, которого я знала. Попадись ему сейчас убийца, он в полной мере узнал бы, что такое месть альвов.

* * *

По дороге в лавку нам встретила соседка, всплеснувшая руками при виде Кэтрин. Рэндон мигом наладил её в ратушу и к миссис Холланд – сообщить всем радостную весть.

Пока девочка была без сознания, я обработала и зашила глубокий порез на её руке, потом приготовила травяной чай. Других травм у Кэти не обнаружилось, по крайней мере, телесных. Очнувшись, она обрадовалась и горячо меня обняла, а с Рэндоном осторожно-вежливо поздоровалась. К нашей радости, она вовсе не казалась запуганной и больной, только жаловалась на усталость.

В это время вернулся Иннелин с собакой. В ответ на тревожный взгляд своего друга он отрицательно покачал головой:

– Ничего.

Мы посмотрели на девочку: закутанная в тёплый плед, она невозмутимо прихлёбывала чай. Нам позарез нужны были хоть какие-то сведения, но совесть мешала спрашивать

Кэти. Другая на её месте вообще бы впала в истерику!

– Кажется, я нашёл этот дом, но Чернокнижник успел замести следы, – огорчённо шепнул Иннелин. – Вся надежда на Кэтрин, если она что-то вспомнит, хотя это, конечно, сомнительно.

– Да я могу, мне несложно, – вяло отмахнулась девочка и зевнула.

– Рассказывай только то, что точно помнишь, – поспешила я уточнить. А то знаю я её богатое воображение!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.